

Яна Темиз

ПРИЗРАКИ БАЛЕТА

Сыщик Кемаль

Яна Темиз

Призраки балета

«Товарищество научных изданий КМК»

2007

Темиз Я.

Призраки балета / Я. Темиз — «Товарищество научных изданий КМК», 2007 — (Сыщик Кемаль)

ISBN 978-5-87317-669-4

Если весь мир – театр, то балетный театр – это целый мир, со своими интригами и проблемами, трагедиями и страстями, героями и злодеями, красавицами и чудовищами. Далекая от балета Лиза, живущая в Турции, попадает в этот мир совершенно случайно – и не предполагает, что там ей предстоит принять участие в расследовании загадочного убийства и встретиться с любовью... или это вовсе не любовь, а лишь видимость, как всё в иллюзорном мире театра? Этот роман не только о расследовании убийства – он о музыке и о балете, о турецком городе Измире и живущих в нем наших соотечественниках, о людях, преданных театру и готовых ради искусства на все... даже на преступление.

ISBN 978-5-87317-669-4

© Темиз Я., 2007
© Товарищество научных изданий
КМК, 2007

Содержание

1. Призрак?	5
2. Увертюра	7
3. Pas-de-trois	17
4. Вальс	24
5. Чардаш	32
6. Испанский танец	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Яна Темиз

Призраки балета

Моим балетным друзьям – с неизменным условием, чтобы они узнавали себя только в приятных им персонажах. Ничего этого не было, а что было – было совсем не так, а что так, то случайное совпадение. Каждому театру нужны свои легенды и призраки – нашему я их придумала.

«Как все нервы! Как все нервы! И сколько любви... О колдовское озеро!»

А.П. Чехов «Чайка»

*Another hero, another mindless crime
Behind the curtain, in the pantomime,
On and on...
Does anybody know what we are living for?..
My soul is painted like the wings of butterflies,
Fairytale of yesterday will grow but never die.
I can fly, my friends!
“Queen” – “The show must go on”*

1. Призрак?

Легкие белые перышки почему-то напоминали о птичьей grippe.

Уже месяца два, какую программу ни включи, какую газету ни открой, везде этот птичий грипп, как будто больше писать не о чем. Недели две всех развлекало землетрясение, а потом опять – птичий грипп, птичий грипп... интересно, эта зараза передается через перья?

Лежащей перед ними женщине было все равно: ей теперь не страшен никакой грипп, ни птичий, ни простой. Чертова лампочка в подъезде, где ее обнаружил сосед, горела, как ей и полагалось, минуты две, потом гасла, и ее снова включали, и лицо женщины то появлялось, то на секунду исчезало во мраке, и в эти темные мгновения хотелось думать о чем-нибудь постороннем – хоть о птичьей grippe. Потому что, каким бы страшным он ни был, он где-то там, далеко, а тело молодой и, похоже, привлекательной женщины – вот оно, и с этим надо что-то делать.

То, что в таких случаях положено.

Сейчас установят освещение, начнут фотографировать, собирать вокруг все, что можно собрать, вплоть до пыли. А подъезд, как назло, не слишком чистый, неужели собирать всю эту мелочь: выплюнутые жвачки, окурки, какие-то металлические обломки, огрызок яблока, обрывок газеты? Белые перышки на этом фоне выглядели как-то особенно неуместно и вызывающе. Они-то наверняка окажутся в запечатанном пакете, получат номер, обретут имя «вещественное доказательство»... сколько их здесь? Три и еще, кажется, хвостик... а может, и больше, попробуй разгляди при таком свете.

Впрочем, свет был под стать подъезду.

Похоже, тот, кто его проектировал, изначально задумывал не подъезд шестизэтажного дома на высоком цоколе, а декорацию к фильму ужасов. Что-то здесь должно было произойти, не могло не произойти – такие места сами притягивают к себе неприятности, может быть, и эта не первая, надо бы народ порасспрашивать.

Наверху открывались двери и раздавались голоса. Скоро любознательные соседи потянутся вниз, и надо будет сдерживать их натиск, чтобы ничего не затоптали и не стерли, но при этом никого не обидеть, поскольку разговоров с этими самыми соседями предстоит немало. Кто что слышал, кто что видел, кто что знает? И не вытряхивал ли кто подушки с перьями прямо в подъезде? Или они попали сюда другим путем – вместе с жертвой или убийцей?

Потому что если насчет перышек еще могли быть какие-то сомнения, то насчет того, что им предстоит расследование убийства, не было никаких...

2. Увертюра

...Назовем его, ну, допустим, Р. Или лучше мистер Р: так современнее, и опять же это триллер, правильно? Так вот – жил он себе поживал, пока не начал обнаруживать все нормальные признаки одержимости. Как, скажем, хичкоковский «Психо». Или, скорее, «Коллекционер», ну, в общем, вы поняли, типичный сексуальный маньяк. Много их, парфюмеров этих, сами знаете, это сейчас самое то, тренди, так сказать.

Словом, наш мистер Р, пока жил как все люди, завел жену и сына, но быстро их бросил и заиклился. Свернул, так сказать, с ума. По профессии он был что-то такое вроде тренера по фигурному катанию, или синхронному плаванию, или чему-нибудь в этом роде. Или он классный парикмахер, или хореограф, или фотограф, или модельер – словом, у мистера Р. был постоянный доступ к молодым девушкам. Чуете? Они так и кружат вокруг, так и плавают... а он ничего не может, кроме своих причесок или хореографии! Поневоле свихнешься!

Причем наш мистер Р. не лишен привлекательности, этакая мрачность неотразимая а ля Воланд, весь в черной коже, и девушки, как правило, не прочь напроситься на дополнительный урок, или стрижку, или примерку, или что у него там, неважно. Так сказать, на утренний кофий.

Напрашиваются – и пропадают.

Некоторые.

Мистер маньяк человек начитанный и всех подряд не похищает. Разок даже под подозрение попал, но сошло с рук. Слишком уж тривиально показалось, в полиции-то теперь все тоже начитанные.

Так вот: девушек он запирает и какое-то время держит под замком, мучает, но не убивает. То есть некоторых убивает, но не сразу, сначала у себя пасет. Почему-то ему в кайф, чтобы они все стаей вокруг него тусовались, их разве поймешь, маньяков? Помните, как у Пушкина: «И зачем тебе девица?!» – это скопцу-то? А вот нужна, видать, зачем-то, уж не знаю, как бы это психиатры сформулировали.

Но как-то раз не повезло ему: похитил очередную красотку-блондинку, а у той поклонник был. Ничего особенного, юноша бледный со взором горящим, как говорится, но так вышло, что он – мистер З, к примеру – поджидал девушку, чтоб познакомиться, и потащился за ними с мистером Р, и дотащился до самой тайной берлоги нашего маньяка, и увидел, как тот девицу запер, и решил, понятное дело, ее спасти и изобразить рыцаря.

Дождался, пока мистер Р отчалил – и к окошку с решеткой: вот он я, твой спаситель, сейчас буду звонить 911. Только девица – мисс О – еще не въехала, что попала к маньяку, и ждет демонического мистера Р, который поехал за китайской едой для своей принцессы, и никакого влюбленного спасителя ей не надо, уходить наотрез отказывается.

А тут и мистер Р подваливает и видит юношу нашего... и понимает вдруг, что зря он девушек столько к себе понатаскал. Не виноваты они, бледные поганки, и жена его бывшая не виновата, и сам он не импотент вовсе – просто нужны были ему никакие не девушки, а этот блондин романтический! Но блондину-то нравится девушка!

Короче, наш мистер Р дает девушке этой новой сбежать, она же еще не в курсах, что он маньяк, пусть себе летит куда хочет, хоть бы и с мистером З. Только с этого красавчика З он теперь глаз не спускает. И пронюхивает, что тот парти устраивает, типа день рождения у него, и мисс О, понятное дело, там будет. Наш злодей, не долго думая, тоже в гости напрашивается, и подкупает проститутку, смуглянку-черноглазку, и приводит с собой, и юноше подсовывает, чтобы эту мисс О от него отвадить. Девка дело знает, профессионалка, ей мальчика соблазнить – раз плюнуть; О, белая и пушистая, их застаёт, дверью хлоп, подумывает даже в берлогу к мистеру Р. возвратиться, тот ей ключик в лапку – лети, мол, жди меня, и я вернусь; девка

отработавшая смеется и уходит, – и юноша З остается одинокий и несчастный. Тут-то импозантный мистер Р спроваживает гостей и начинает его утешать.

И утешает. До тех пор утешает, пока не узнает, что красавчик-то томный – не кто иной, как его собственный сынок, прикиньте, какой пассаж! Просто не похож совсем, весь в мамочку пошел, и все дела. А тут, кстати, и мамочка явилась – ах да ох, да как ты посмел, чудовище, с моим мальчиком!

А З наш как Гамлет: мамочку очень любит, шагу без нее не ступит, он как узнал, что этот Р, злодей, мамочку предал и бросил, так взял подаренную мамочкой на совершеннолетие пушку и дьявольского папеньку пристрелил. И обтяпывают они все это как самозащиту, и мисс О прибегает и прощает мальчика за ошибочку с уличной девкой, и некоторых запертых девиц удается найти и спасти, – словом, все довольны и счастливы, полный happy end. Так сказать, не стреляйте в белых лебедей!

Вполне в духе времени сюжетец, а? Сейчас, куда ни глянь, везде про маньяков, я тут романов пять новых насчитал, а в кино – так, вообще, обвал. Так что это пойдет на ура, сами увидите.

Костюмы современные, разумеется, все эти джинсы и юбочки ниже пупка, эротики побольше, особенно во втором акте, где Р с девушками расправляется. А потом души их могут являться – в белом, как обычно, только с кровавыми пятнами, как типа умирающий лебедь у Сен-Санса.

Декорации можно и готические, чтоб покошмарнее, а может, и старые, классические сойдут: лес там, мрак, озеро, елки-палки всякие. А для черного акта можно, наоборот, те, что у вас для мюзикла – огни Нью-Йорка и все такое. Это не суть важно, потом решим.

С музыкой, слава богу, все путем, она-то тут и главное! В ней как раз все это есть – и надрыв такой, и страсти всякие, и мании: писал-то кто?! А? Разве не извращенец – между нами-то говоря? Вот так и ставить надо. Это же сенсация будет, скандал, а не трактовка! Голливуд заплачет, вот увидите! Лиза, переводите!

Все посмотрели на Лизу.

Она всхлипнула.

Всхлипнула и прикусила губу, чтобы удержаться, и прижала было рукав светлого пиджака ко рту, и склонила голову, чтобы спрятаться от устремленных на нее понимающих и непонимающих глаз, но это было сильнее ее – и она расхохоталась, безудержно, громко, сквозь подступившие от смеха слезы, и вытирала их светлой тканью, и безнадежно пыталась остановиться.

– Голливуд, – повторяла она сквозь слезы, – ой, не могу, Голливуд... заплачет...

Хорошо, хоть глаза не покрасила.

Надо как-то выбраться отсюда и привести себя в порядок. Переводчик не должен позволять себе эмоций, даже если он не переводчик, а просто добровольный помощник. Лиза глубоко вдохнула, но выдохнула не воздух, а все тот же всхлипывающий смех, закашлялась, чуть не задохнулась, попыталась что-то сказать, а потом встать, чтобы выйти и хоть как-то сохранить лицо... но сохранять уже было нечего, и рядом суежилась Нелли, подсовывая ей какие-то салфетки и отмахиваясь от остальных, что-то наперебой говоривших по-английски и по-турецки.

– Господи, Лиз, ты чего? Ну, нельзя же так... пойдем-ка быстренько, умоешься... все нормально, сейчас, сейчас... Игорь, займи ты их чем-нибудь, что это с ней, не знаю! Все о'кей, сейчас мы вернемся, это стресс, и все. Игорь, ну скажи ты им что-нибудь!

– И скажу! – заглушил всеобщие причитания вальяжный начальственный бас. – Скажу я, во-первых, что Лизе я ничего переводить не позволю. Совещание окончено. Я этого безобразия не потерплю, ясно? Мы здесь не шутки шутим, и балаган этот... короче, мы сейчас поговорим, и через полчаса... ladies and gentlemen, half an hour later, ОК? Чтоб через полчаса – ясно? – мы обсуждали не этот бред, а нормальную постановку. Нормальную! Это вам не... не кабак с

канканом и не... – он на мгновение запнулся, видимо не найдя ничего более оскорбительного, но положение не позволяло ему медлить, и Игорь Сергеевич, исполненный праведного гнева, решил поставить точку: – Это, между прочим, «Лебединое озеро», блин!

Лучше не придумаешь.

Или хуже – как посмотреть. «Лебединое озеро» – блин! Прелестное сочетание, как раз в духе установившегося маразма.

Слово «блин» в его непрямом значении Лиза ненавидела.

И была рада, что практически избавлена от общения с людьми, активно его употребляющими. Правда, при этом она вообще была почти избавлена от общения с говорящими порусски, но что поделаешь. Приняв когда-то решение переехать в Измир, жить здесь и растить здесь детей, она ни на минуту об этом не пожалела.

Она влюбилась в него сразу, как только увидела. Так бывает с людьми, но чтобы с городами? Все-таки в городе надо родиться, или прожить часть жизни, или пережить в нем что-то особенное, или быть готовым на эту любовь заранее, как готовы влюбиться в Париж все отправляющиеся туда русские путешественники. А Лиза глянула в иллюминатор – и не смогла отвести глаз. Бело-карминный город, расположившийся на зелено-синих горах вокруг голубого залива, он словно ждал ее все пять тысяч лет своего существования, он улыбался ей, именно и только ей, – и Лиза улыбнулась в ответ и так и стала жить с этой улыбкой.

По утрам она непременно взглядывала в окно.

Вернее, в окна, поскольку они в ее квартире выходили на три стороны, и она обязательно смотрела во все три. С одной стороны было море, его цвет никогда не был одинаковым, а если и бывал, то Лиза успевала забыть когда-то виденный оттенок и радовалась ему как новому. Жаль, нет таланта, к этому окну бы Айвазовского какого-нибудь посадить! С другой стороны, из спальни, был вид на горы, немного уже обжитые и испорченные человеком, но почему-то даже многоэтажки не вызывали у Лизы никакого неприятного чувства. Они были умело расставлены на этих горах, вписаны в пейзаж так, что не портили его, а по вечерам вспыхивали огнями люстр и фонарей, и гора не пропадала в темноте, а превращалась в какую-то сказочную гору самоцветов.

Из комнаты старшего сына она смотрела на парк и небо. Это было не простое небо – эта часть его располагалась над Гюзельбахче, примыкающим к Измиру пригородом, и Лиза уже знала, что по каким-то неведомым ей законам погода в город приходит оттуда. Если над Гюзельбахче появлялись облака, следовало брать с собой зонтик, и наоборот, если там виднелся хоть малейший просвет в тучах, значит, скоро прояснится. Ветер при этом, как ни странно, мог быть любым; впрочем, здешний ветер, если уж принимался дуть, дул сразу отовсюду, делая совершенно бесполезными плащи и зонты, опрокидывая легкие стулья на балконах и пригибая к земле тонкие мимозы.

Осмотрев небо, чтобы знать, как одевать детей, она опускала глаза на парк. Он принадлежал не их кооперативу, а местной префектуре, был совсем небольшим, но сколько в нем было цветов, продуманно подстриженных деревьев, аккуратно выложенных дорожек! Каждый день несколько облаченных в желтые плащи рабочих приезжали сюда на специальной машине, что-то подстригали, подметали, причесывали, а в сухое время года обязательно поливали из огромной цистерны. И смотреть на их утренние хлопоты тоже было приятно.

Она любила в Измире все: узкие, старые улочки центра, причудливые изгибы залива, разноцветную зелень непривычных деревьев, прозрачность ароматного воздуха, позволяющую в хорошую погоду разглядеть дома на другом берегу, зимние дожди и неожиданные радуги, зависающие над морем, улыбчивых, всегда готовых помочь иностранке людей и свой хорошо налаженный, продуманный быт.

Она любила Измир, постепенно перестала считать себя иностранкой – и сейчас всхлипывала от любви. Конечно, от любви – от чего же еще?!

Он обидел ее, этот город, обидел и напугал, а она жила, улыбаясь, и не ожидала от него никакой обиды. Он всегда отвечал ей взаимностью: показывал ярким лучом неожиданные старинные домики, и берег ее большой красивый зонт от ураганов, и вдруг раскрашивал какое-нибудь одинокое дерево в цвета золотой осени (для кого же, если не для Лизы, которой, пожалуй, и недоставало здесь только этих левитановских красок?), и ни разу не сломал каблучков между брусчаткой Конака, и всегда показывал подходящее время на знаменитой часовой башне, и игриво плескал ей под ноги морские брызги на набережной, и сверкал зимой апельсинами на деревьях, и улыбался солнцем, и вывешивал радуги прямо перед ее окном...

И вдруг – такое!

Две недели Лиза не могла понять, как ей жить.

Нет, разумеется, город и раньше показывал характер.

Зимой дожди шли иногда такой плотной стеной, что несколько дней невозможно было выйти на улицу, а Дениска все-таки выбегал и раздвигал струи, как тигр Шерхан в старом красивом мультфильме. Если начиналась гроза, то гром и молнии устраивали такое грандиозное шоу прямо над крышами, что никогда не боявшейся грозы Лизе с трудом удавалось удерживать лицо перед сыновьями. Однажды огромная белая молния ударила в землю неподалеку от их дома, и у Лизы и у ее соседа сгорели модемы. Как-то раз было землетрясение, к которому Лиза отнеслась легкомысленно и не стала, по примеру соседей, выбегать из дома.

Теперь оказалось, что соседи были правы.

Просто они знали, с чем имеют дело, а Лиза нет.

Конечно, откуда москвичке знать про землетрясения? То есть, понятно, что они могут быть опасны и разрушительны, но это же где-то далеко, там же, где всякие вулканы, цунами, острова-атоллы, какая-то пугающая Марианская впадина, запомнившаяся из уроков географии, и прочие кошмары, не имеющие ни малейшего отношения к ее, Лизиной, жизни.

Зачем люди вообще селятся в тех опасных экзотических местах – было непонятно, и раз уж они там поселились, несмотря на предупреждения всеведущего Гидрометцентра, то винить им некого, кроме самих себя.

«Зачем строить город у подножия вулкана?» – думала она когда-то, глядя на «Последний день Помпеи» в Русском музее. Ей казалось, что вулкан ни в чем не виноват, он просто делал то, что ему положено – то впадал в спячку, как медведь, то извергался, но люди-то?! О чем они думали, хотелось бы знать?!

Теперь она точно знала – о чем.

Землетрясение продолжалось уже две недели, и никто не знал, когда оно закончится и закончится ли вообще. По телевизору несколько раз в день передавали прогнозы и комментарии специалистов, но Лиза, обладавшая кое-какими аналитическими способностями и выработанным в дни советской юности недоверием ко всему, что говорится с экрана, быстро поняла их логику.

Не допустить паники, подобной той, что охватила Измир после второго, самого сильного подземного толчка. Успокоить людей, ибо эвакуировать город с трехмиллионным населением, остановив работу его фабрик, школ, учреждений, транспорта, вмешавшись в его устоявшуюся жизнь, не было никакой возможности.

Кроме того, Лиза поняла, что никакие специалисты на самом деле ничего не знают. То есть, разумеется, они знают чуть больше простых обывателей о разломах земной коры, о геологических пластах и платформах, но узнать заранее о землетрясении не под силу никому. Даже японцам, которые, говорят, изучили этот вопрос лучше всех в мире и пришли к единственно разумному выводу, что, раз уж предсказать ничего невозможно, надо думать, как укреплять дома.

Дом, в котором жила Лиза, был, как утверждали непременно выбегавшие из него при малейшем намеке на землетрясение соседи, абсолютно надежен.

Ум Лизы отказывался понимать эту логику. В маленьком парке, на который она любила смотреть, стояли палатки, и их владельцы, с той же удивлявшей ее последовательностью, приходили в них ночевать, а днем возвращались в свои якобы надежные дома. А если самое сильное трясение случится днем? А тогда – на все воля Аллаха...

Может быть, они все-таки были в чем-то правы, потому что могли хотя бы спокойно спать ночами.

Лиза не могла.

Одна, с двумя детьми, из которых старший настолько впечатлителен, что боится собственной тени, на четвертом этаже семиэтажного дома – что она сможет, если этот кошмар с качающимися, гудящими стенами не просто повторится, а усилится? Помощи ей ждать не от кого, муж далеко... и вообще... об этом тоже лучше не думать.

Она из последних сил сохраняла лицо, радуясь тому, что работа школ возобновилась, и можно хотя бы полдня меньше бояться за детей... и иногда поплакать.

Бессонница и напряжение этих двух недель мешали ей думать.

Мысли крутились по такому кругу: я могу вот прямо сейчас все бросить, купить билеты и улететь в Москву; мне есть где жить, я отдам детей в московскую школу, отосплюсь и забуду весь этот ужас.

Дальше шли всякие «но».

Мальчикам будет трудно адаптироваться, как они все выживут в однокомнатной квартире, что ей делать с квартирой в Измире, зачем она тогда уезжала, землетрясения ведь может и не быть!

Спать хотелось постоянно, под глазами темнели круги, в рыжих волосах появилась совершенно отчетливая седина... еще это «Лебединое озеро», блин!

Она плеснула водой в лицо, посмотрела в зеркало, прикидывая, можно ли уже возвращаться на люди, но увидела не себя, а встревоженную Нелли.

– Ну, ты как? Вот придурок, а? Нет, ты подумай, мы его привозим, все организуем, а он?! Ты себе можешь представить?..

– Не могу, Нель! Не говори ничего, я сейчас опять плакать начну. Или смеяться, я не знаю. Что теперь делать-то? Переводить мне все это или как? Они его вытурят, как ты думаешь?

– Да как вытурят?! Ты их бюрократию не знаешь! Они его оформили, деньги выписали, за билет заплатили – им от него после этого не избавиться!

– Но он-то этого не знает, – обратилась к всегда выручавшей ее логике Лиза. – Пусть Игорь его припугнет, что его прямо сейчас отсюда вышлют, если он не возьмется за нормальную классическую постановку. Я чего-нибудь наговорю, все равно он ни черта не поймет.

– Думаешь, выйдет? – засомневалась Нелли. – А если упрется?

– Ну, вот тогда и посмотрим. Пошли, я перед директором по-турецки извинюсь за свои нервы, а ему скажем, что директор ни о каком новаторстве и слышать не желает.

Возня вокруг балета отвлекала ее от пугающих мыслей.

Почему люди селятся у подножия вулкана?

Потому же, почему многие женщины годами терпят бьющих их мужей: потому что любят.

Лиза любила Измир, и в глубине души знала, что никуда отсюда не уедет.

Она так и сказала мужу: ты можешь жить где тебе угодно, а я останусь здесь, независимо от того, замужем я еще или нет. Я замужем за Измиром, если хочешь знать!

– Нель, ты Игоря позови, пусть он деятеля этого отвлечет, я с директором потолкую, и все образуется. Будет вам все, как у Вильяма нашего Шекспира, вернее, у Мариуса вашего Петипа!

– Какого Шекспира? – приостановилась вечно бегущая Нелли.

– Да никакого, я так. Все, я готова, пошли. Не волнуйся, что-нибудь придумаем.

Игорь Сергеевич был в коридоре и говорил по мобильному телефону.

Нелли остановилась около мужа и махнула Лизе рукой: иди, мол, успеха тебе. И Лиза быстрым деловым шагом двинулась по узкому длинному коридору.

– Лиза, мы закончили, – сказал откуда-то сбоку мужской голос. Легкий, едва уловимый, но узнаваемый акцент всегда почему-то напоминал ей композитора Раймонда Паулса. Вроде и по-русски говорит, совершенно по-русски, а как-то не так. – Тим пошел в кафетерий. Что-то случилось?

Болгарин с дивным именем Цветан – с ударением на первом слоге! – давал ее младшему сыну уроки музыки. Он вообще напоминал ей, при полном отсутствии внешнего сходства, этого самого Раймонда Паулса – то ли тяжеловато-мрачным взглядом, то ли какой-то не улыбочиво-мужской привлекательностью, то ли тем, что легче всего его было представить за роялем. Когда Нелли впервые сказала: «А ты знаешь, что Цветик у нас не просто пианист, а еще и композитор?», то Лиза почему-то сразу представила себе знаменитого маэстро с его полузаграничным лоском и заразительным акцентом.

– Да, случилось, – ответила она, ловя себя на том, что невольно иначе, более старательно и четко выговаривает слова. Цветан свободно говорил по-русски, потому что учился в школе при советском посольстве в Софии, но Лиза почему-то всегда говорила с ним, словно перенимая его же акцент. – Я должна там еще переводить. Этот... новый постановщик предложил такую версию... подождите, я должна вам отдать деньги, я потом забуду.

– Спасибо, это неважно. Вы же спешите. Кстати, Лиза, вы бы подумали об инструменте. Так у нас все очень медленно идет. Тим забывает.

– Я думаю, Цветан, – его имя она тоже всегда выговаривала четко и полностью, в отличие от Нелли и других, вечно придумывающих всевозможные сокращения.

Прожив столько лет в Турции, где уменьшительные имена были не приняты, она и сама перестала их употреблять. А продлевая в очередной раз вид на жительство, поменяла и свое: теперь в местных документах она была просто «Лиза».

– Я не думаю, что вы думаете. А инструмент вам нужен, если вы, конечно, настроены всерьез заниматься. А что там за шум? Из-за этого Романа?

– Да, – махнула рукой Лиза, – он ненормальный, по-моему.

– Как? – удивился Цветан. – Почему? Я его видел утром, и кажется...

– Ну, не в медицинском смысле... просто... я вам потом расскажу.

Но она рассказала сразу.

Длинный коридор был пуст, где-то вдалеке Игорь Сергеевич что-то энергично кричал в телефон, Нелли топталась возле него, из кабинета никто не выходил и не торопил ее ничего переводить, дети находились в известных ей и безопасных местах. Поэтому она вдруг расслабилась и рассказала про новаторскую трактовку «Лебединого озера».

– Смешно, – без улыбки сказал Цветан, привычным жестом откинув со лба волнистые, начинающие сесть волосы. «Наверняка у него роман с какой-нибудь балериной!» – почему-то некстати подумала Лиза. – Могу себе представить это на нашей здешней сцене. Но они ему не дадут.

– Лиз, ты с ума сошла?! Ты еще здесь?!

– Иду, Нель, – виновато заторопилась Лиза. – До пятницы, Цветан, да?

– Да, конечно, – кивнул пианист. – Если что-нибудь... услышимся.

К этому слову, образовавшемуся, по-видимому, из «увидимся» и «созвонимся», Лиза уже успела привыкнуть, поэтому еще раз быстро кивнула и почти побежала за Нелли.

В кабинете директора было накурено и шло одновременно несколько разговоров.

Тихих и громких. Самым громким был даже не разговор, а монолог Романа, который продолжал развивать свои идеи перед пожилой аккомпаниаторшей и ее мужем – старым хореографом, много лет работающим в измирской консерватории.

«Нашел перед кем!» – мысленно усмехнулась Лиза, которая, благодаря вездесущей Нелли, уже разбиралась в здешней расстановке сил.

Театр оперы и балета был, как, наверно, и все человеческие коллективы, настоящим театром военных действий. Если бы те страсти и силы, которые здесь в изобилии расходовались на интриги, сплетни, взаимные упреки и профсоюзные собрания, тратились бы на репетиции, новые постановки, на все то, чем, собственно, должен был заниматься театр оперы и балета, он, безусловно, смог бы стать одним из лучших в стране.

У готовящейся постановки «Лебединого озера» было столько недоброжелателей, как будто это был не классический балет, а как минимум смена кабинета министров или американское вторжение в очередную зазевавшуюся страну.

«Здесь же Турция – какое «Лебединое»? Ты в своем уме?! Ты глянь на их ноги! На их ляжки, если ты еще не видела! Это лебеди, по-твоему? Ну, хорошо, лебедей ты поставишь, юбки удлинишь, а танцевать-то кто будет?! Ты их «Щелкунчик» видела? А сцена? Сколько туда лебедей можно поставить? Что тебе надо-то?!» – эти и подобные высказывания так и сыпались на энергичную Нелли. Ты здесь без году неделя, намекали ей, ничего не знаешь, по-турецки два слова выучила, а туда же! Строит из себя, мало ли что когда-то прима была, а сейчас ты здесь никто, приехала так же, как и мы, деньги зарабатывать, вот и сиди спокойно, давай свои уроки, а в репертуарные дела не лезь. И вообще, не высовывайся.

Не высовываться Нелли не могла патологически.

Где бы она ни оказывалась, ее всегда было видно и слышно, она всегда была ярче всех одета и накрашена, мимо нее нельзя было пройти, не заметив, она ни к чему не могла оставаться равнодушной, творческая энергия была в ней через край – и ее ничто не могло изменить, даже приезд в роли обычного педагога в небольшой и, в общем-то, провинциальный театр.

Через две недели она была уже главным педагогом – к зависти и недовольству тех, кто работал здесь годами и подстраивался под заведенный ритм. Нелли никогда ни к кому не подстраивалась, в результате подстраиваться приходилось к ней.

И постановка «Лебединого», о которой она начала мечтать с самого приезда, была одобрена, разрешена, утверждена, оплачена и организована. Лиза знала, что Нелли не могла позволить себе проиграть: слишком много души вкладывала она во все, за что бралась.

Когда они вошли, Лиза поняла, что они опоздали.

Конечно, перевести бред новатора Романа могла не только она. И по лицу главного хореографа и некоторым торжествующим улыбкам было видно, что это уже сделали без нее. И сделали, ничего не смягчая и не сглаживая, чтобы подчеркнуть весь ужас ситуации: вот кого она вам сосватала! Что вы теперь будете делать с этим горе-режиссером?! Говорили мы вам!

Черт, подумала Лиза, все из-за меня. Нервы ни к черту, жалко Нелли, зачем было, спрашивается, впадать в истерику, а потом еще стоять в коридоре с Цветаном?

Незачем. С истерикой, понятно, ничего не сделаешь, нервы, а вот стоять в коридоре и разговаривать пустые разговоры?

Совершенно незачем.

– Лиза! – одновременно воскликнули с разных сторон и заговорили на нескольких языках.

Она была нужна им, и это чувство своей необходимости здесь, в Измире, было ей приятно. Она всегда радовалась, когда была востребована, даже когда скучные пожилые соседки звали ее на очередные чаепития. Она несколько лет выстраивала свою здешнюю жизнь так, чтобы не заскучать, подобно другим женщинам-эмигранткам, и это ей вполне удалось.

Даже более чем.

У нее не было ни минуты свободной. Сейчас, к примеру, у нее есть еще около получаса, чтобы вникать в балетные дразги, потом закончится урок у старшего сына, и Лиза заберет его и двух его одноклассников, живущих по соседству, и развезет их по домам, а потом придет

домой и даст детям ужин, и созвонится насчет завтрашних занятий, и разгонит мальчишек по комнатам, и проверит их уроки, и доклеит наконец стенгазету по экологии.

Дома она будет около девяти, до десяти надо все успеть, чтобы дети легли вовремя, а ведь могут еще обрушиться телефонные звонки, или сын соседки притащит очередной тест по английскому, который валялся у него неделю, а сдавать, оказывается, уже завтра, и без тети Лизы, конечно, не справиться. А завтра вставать в семь, отправлять детей в школу, готовиться к собственным урокам и к репетиции английского театра, что-то покупать, варить и стирать, отвечать на звонки, проводить эти самые уроки и репетиции, встречать переполненных эмоциями сыновей, выслушивать их и отправлять или везти на разные курсы, и общаться с друзьями, быстро переключаясь с одного языка на другой или третий...

Нет, Лиза не жаловалась, это было прекрасно! Она любила эту наполненность жизни, она не понимала, как кто-то может ничего не делать, скучать от безделья и ныть от скуки.

Землетрясение вот только... нет, об этом не думать, думать тебе некогда, смотри вон, сколько тут всяких проблем, они сейчас перегрызутся все!

– Спасибо, все хорошо, одну минуточку, да, конечно, пожалуйста, – быстро ответила она на посыпавшиеся на нее реплики. Наконец, все затихли, каждый по-своему предвкушая предстоящую битву.

Главный хореограф, высокий, изящный красавец Шевкет уже был возле Лизы, вернее, между Лизой, директором театра и Романом. Остальных он как-то незаметно оттеснил, превратив в слушателей.

– Это, конечно, очень интересно, – как всегда, негромко и мягко заговорил он. И говорил и двигался он как-то по-кошачьи, вызывая ассоциации с грациозной пантерой или гепардом. Сейчас как выпустит когти, подумала Лиза, дожидаясь продолжения. Было совершенно ясно, что дальше последуют всякие «но», и их следовало выслушать, прежде чем переводить. – Очень интересно и неожиданно. Но дело в том, что наш театр... господин Роман, видимо, еще не понял... наш театр, как мне кажется, не готов к такого рода экспериментам.

Он сделал паузу, передавая эстафету Лизе.

В свое время прошедшая жесткую школу перевода в московском инязе, Лиза до сих пор умела делать это вполне пристойно. Какая разница, что ее учили переводить с английского, а теперь она имеет дело с турецким? Сущность профессионального подхода от этого не меняется.

Она вложила побольше души в похвалу и побольше сожаления в приближающийся отказ и знаком остановила рванувшегося вперед Романа. Подожди, дорогой, здесь так не принято, восток дело тонкое, молчи и слушай.

– Я не ретроград и признаю, что такая постановка произвела бы фурор. Такого еще не было, и версия господина Романа, несомненно, наделала бы много шума. Однако это совсем не то, чего ожидает от него наш театр. Приглашение господина Романа было вызвано желанием нашего руководства, – пантера почти раскланялась с директором, – обновить репертуар, но обновить за счет классического балета. Мы много лет сотрудничаем с хореографами и педагогами из России...

Лиза машинально заполняла паузы.

Шевкет совсем не умел отказывать, а когда ему все-таки приходилось это делать, становился многословным, излишне вежливым, смотрел жалостливо, словно рассчитывая на сочувствие того, кому он отказывал. Это не я, говорило не только его лицо, но и все длинное грациозное тело, не я, а моя должность, я ведь вот какой – танцовщик, а не администратор, а теперь вот чем вынужден заниматься. Было ли это удобной позой, или бывший Ромео и Дон-Кихот был искрещен, никто не знал, однако то, что ему удавалось удерживаться на своей нелегкой должности уже несколько лет, доказывало, что выбранная им тактика была правильной.

– Поймите, господин Роман, Турция вообще не совсем готова к восприятию классического балета. У нас еще нет той академической школы... и классический репертуар... сотрудничество с русскими хореографами... министерство культуры, наконец...

– Их министерство, – решила слегка помочь мучающемуся Шевкету Лиза, – никогда не одобрит вашу трактовку, а следовательно, не будет ее финансировать и снимет с репертуара. Не будет никакого «Лебединого», и все дела. Это же государственный театр, Роман, а бюрократия у них посерьезней, чем была у нас в советские времена.

– Отправляя вам приглашение, – Шевкет воспрянул духом от жестких Лизиных интонаций, – мы просмотрели кассету с вашей работой, вас рекомендовала Нелли, и мы никак не ожидали...

– Вам придется ставить нормальное «Лебединое», как у вас на кассете, – быстро подвела итог Лиза, сообразившая, что до конца Денискиного урока осталось, наверно, совсем немного. Привычно вставив слово «кассета», которое было понятно без перевода, чтобы избежать возможных претензий, она решила, что пора заканчивать эти бессмысленные переговоры. – Вы не можете подвести Нелли, – имя он тоже мог уловить в потоке речи, значит, надо произнести и его.

– Но кому сегодня нужно обычное «Лебединое»?! – почти закричал дождавшийся паузы Роман. – Это вчерашний, нет, позавчерашний день! Тем более что техника у них, как у нас в любом доме культуры!

– Вот именно поэтому, – негромко, но твердо сказала Лиза по-русски. – Правда, Роман, хватит уже. Поставьте потом свой мюзикл в другом месте, здесь это не пройдет. Им нужно совсем другое – та школа, о которой вы только что говорили. Вы можете так спорить еще несколько часов, но это совершенно бессмысленно.

– Незачем больше спорить! – Игорь Сергеевич ворвался в разговор прямо с порога. – Я все решил. Вы, – он пренебрежительно ткнул пальцем в Романа, – начинаете репетиции по классической схеме, а на следующей неделе прилетит Гинтарас. Я его вызвал из Португалии, и ставить будет он. Всем все ясно?

Вокруг зашелестели, зашумели голоса.

Ясно все было далеко не всем, и Лиза, перекрикивая шум, как могла, вносила эту ясность. Как – сам Гинтарас?! Знаменитый Гинтарас Даугела – и к нам, в Измир?! Неужели согласился? Но – Роман?! А документы – как все это будет выглядеть? Когда же?

– Да ради бога! Не хотите – можете уезжать! Хоть завтра, никто вас не держит! – это в переводе не нуждалось, и Лиза перевела дыхание. – Не спросил и не спрошу! – кажется, Роман нашел повод для возмущения, но с Игорем Сергеевичем эти номера не проходили. – Вы тоже никого не спросили, когда начали здесь балаган устраивать. Уедете – педагоги прекрасно справятся. И Нелли «Лебединое» танцевала, и Ринат. Хотите – остаетесь ассистентом у Гинтараса, он в понедельник будет. С оплатой решим. Все, совещание закончено.

Не давая никому опомниться, Игорь Сергеевич, бывший деятель культуры бывшего Советского Союза, сталкивавшийся в своей жизни и с худсоветами, и с коллегами министерств, и с вызовами на ковер во всяческие райкомы и обкомы, а ныне деятельный и преуспевающий импресарио, на не очень хорошем, но понятном английском языке подвел итог. Все складывается просто прекрасно: знаменитый танцовщик, руководитель собственного коллектива, лауреат всяческих конкурсов и просто его, Игоря Сергеевича, добрый приятель согласился бросить все дела и прилететь в Измир. Так что дальше остаются только организационные вопросы, а потому...

Присутствующие, перешептываясь, потянулись к выходу.

– Комсомолец, красавец, спортсмен, – недовольно пробурчал Роман на ухо Лизе.

– Кто? – не поняла она, потому что прислушивалась к звукам в коридоре: отпустили уже детей или нет?

– Да этот... прошу, между прочим, заметить, что происходит с русским балетом: Анд-рисы, Гинтарасы, Гедиминасы всякие!

– Марисы и Мариусы, – в тон ему продолжила Лиза, отодвинув ухо и пытаясь выйти в коридор. – Айсберги, Вайсберги, Айзенберги, да? Просто ужас! Извините, мне нужно...

– Может, кофе? Подскажите бедному приезжему, где здесь можно получить чашечку кофе. А лучше две чашечки! – похоже, ему необходим слушатель, но у Лизы не было ни вре-мени, ни желания выступать в этой роли.

– Кофе в буфете... Ринат! – закричала она, увидев неподалеку знакомый хвост темных волос. – Вы не покажете Роману, где выпить кофе? Я спешу!

– Кофе?... Хорошо, Лизочка, там дети уже вышли, по-моему, – вряд ли Ринату хотелось возиться с новатором, но в его черных узких глазах не мелькнуло ни тени недовольства. – Пойдем, – кивнул он Роману.

– А без переводчика справимся? Вернее, без переводчицы? – Лиза не стала слушать дальше и, не заботясь о том, что о ней подумают, побежала к раздевалкам.

Время, отведенное в ее жизни на балет и всякие страсти вокруг балета, закончилось.

3. Pas-de-trois

– Балерина, – мрачно сказал Кемаль и глотнул горячего чая из большой кружки.

– И чем это плохо? – отозвалась Айше, зная, что главное сейчас не дать ему уйти в себя и замолчать.

Убийства, изнасилования, избиения – то, чем занимался ее муж, – случались в их относительно благополучном районе не так уж часто, но все же случались. Иначе зачем было бы содержать специальный отдел в полицейском управлении, правильно? Однако, хоть они и случались, Кемаль каждый раз переживал увиденное так, словно был неопытным практикантом, впервые столкнувшимся с подобным зрелищем.

Надо было его отвлекать.

Причем отвлекать не от убийства, все равно это невозможно, он ни о чем другом ни говорить, ни думать не сможет, так что надо оставаться в рамках темы, заставить его рассказать детали, выслушать его версии и предположения, тогда он увлечется и постепенно перестанет воспринимать случившееся как личную трагедию, в которой виноват исключительно он сам и его коллеги.

Он всегда принимал работу слишком близко к сердцу, и Айше даже нравилась его увлеченность делом. За исключением тех случаев, когда он, как сейчас, был молчалив и мрачен, терял аппетит и сон и начинал мучиться от какой-то мифической вины.

Как может быть полицейский виноват в каждом кем-то совершенном преступлении?!

– Так чем тебе не нравится, что она балерина? – еще раз попыталась Айше.

– Да ничем, – поморщился муж. Кажется, получилось, мысленно похвалила она себя. – Молодая, красивая, это само собой. Просто... она вроде почти прима, а это такой труд, наверно, понимаешь?

Как ни странно, она понимала.

Целеустремленность, талант, трудолюбие – эти составляющие, помноженные на красоту и молодость, заставляли больше сожалеть о жертве. Возможно, это безнравственно, и нужно одинаково сожалеть о любой смерти, но Айше не могла не признать, что убийство молодой и красивой проститутки или наркоманки не вызвало бы у них таких же эмоций, как убийство яркой, незаурядной личности.

Примы-балерины.

– А точно убийство?

– Точнее некуда. Там и провод на шее, и следы борьбы, и вдобавок ее еще в лестничный пролет столкнули, чтоб уж наверняка. Там, в этом подъезде, лестница такая жуткая... Как они туда детей выпускают, не знаю. Только представь: лестница вокруг лифтовой шахты, а лифта этого самого и нет! Видимо, в последний момент решили не строить, и вся середина пустая. А дом высокий при этом, и пролеты почему-то не под прямыми углами соединяются. Мрак какой-то, сюрреализм, видеть надо. Она этажа с пятого или четвертого упала, но, может быть, он ее задушил раньше, не знаю пока.

– И никто ничего не слышал?! Это же, наверно, шумно было, борьба, падение?

– Футбол, – зная, что жена его поймет, Кемаль не стал вдаваться в объяснения. – В этом поганом доме такая планировка, что гостиные у всех далеко от подъезда. Коридоры длинные, и гостиные как раз в конце, а все у телевизоров. Один жилец на матч опаздывал – он-то на нее и наткнулся. Позвонил, нас вызвал, потом уже узнал, что это соседка.

– Всех опросили? – Кемаль пришел так поздно, что у Айше слипались глаза, но она не могла не дожидаться его. Как бы он, спрашивается, сидел сейчас один и пил этот чай?

– Почти. Завтра еще раз придется. Сегодня только личность установили и кто что слышал, кто что видел, – он зевнул, – а остальное завтра. Все спать хотели, ничего ни от кого не добьешься.

– Ты и сам иди ложись, утро скоро.

– Надо бы в театр съездить, – не слушая ее, словно сам себе говорил Кемаль. – А то завтра этот адвокат на нас набросится...

– Какой адвокат? – вроде он не упоминал никакого адвоката, или она проспала?

– Ее мужа. Мы его задержали, а завтра адвокат явится с утра пораньше, и придется выпустить.

– Ты думаешь, ее муж убил?

– А что ты так удивляешься? Там все на него указывает: и ссорились они, и алиби у него нет, и провожал ее часто кто-то... там у них соседки такие...

– Глазастые?

– Ну да, она же балерина, для них это как красная тряпка. Для них что балет, что стриптиз в кабаке, по-моему. Танцует, значит, не слишком порядочная – и весь разговор.

– И нечего тогда их слушать! Ты вспомни моих соседок бывших! Если бы меня тогда убили, они бы сказали, что это потому, что я разведена, живу одна и каждый день хожу на работу!

– Тебя, к счастью, не убили. А там провод еще. У нее муж компьютерами занимается, а ее задушили проводом каким-то непростым. И алиби у него, мягко говоря... типа он поехал ее после репетиции встретить, но почему-то не встретил, вернулся домой и стал ее ждать. Телефон у нее не отвечал, он якобы позвонил кому-то из театра, узнал, что она ушла давно, и так и сидел, пока наши не подъехали. Ничего не слышал, ничего не видел. Ладно, это все завтра: и провод, и театр...

Он поставил кружку в раковину и снова зевнул.

– Они, кстати, «Лебединое озеро» ставят.

– Да что ты?! В нашем театре? Красота! Надо будет посмотреть.

– Если будет на что. Она сегодня костюм примеряла, там перышки вокруг валялись, представляешь?

– Представляю... а почему – «если будет на что?»

– Да потому, что, чувствует мое сердце, без нее там никакой постановки не получится.

Именно это заявил наутро решительно настроенный адвокат задержанного.

– Вы даже не позаботились о том, чтобы связаться с ее коллегами и руководством театра, и я вынужден был делать за вас вашу работу. Вам, разумеется, проще задержать ни в чем не повинного человека, который и так перенес стресс и не отвечает за свои слова. Потерпевшая работала в театре, вся ее жизнь была подчинена репетициям и спектаклям, в ней просто не было места никаким другим конфликтам. Я позвонил директору и главному балетмейстеру, что, повторяю, должны были сделать вы, и они оба пришли в ужас не столько от происшедшего как такового, сколько от перспективы срыва нескольких постановок, замены исполнителей и прочих грозящих им проблем. Покойная госпожа Пелин была прима и красавица, и вместо того чтобы арестовывать убитого горем вдовца, вы должны были провести тщательное расследование в театре.

Кемаль слушал, не перебивая.

Оправдываться было бессмысленно: адвокат отработывал свой гонорар и все равно сказал бы все, что считал необходимым или по крайней мере входящим в оплаченный минимум.

Что подозреваемого придется выпустить, взяв, конечно, подписку о невыезде, было понятно. Улик, в сущности, пока никаких, алиби ни подтвердить, ни опровергнуть невозможно, адвокат разовьет бурную деятельность, напустив, как это сейчас модно, на плохих полицейских хороших и честных журналистов, да и театр, конечно, заслуживает внимания.

Вчера ночью заниматься театром казалось неразумным, но сейчас Кемаль понял, что они допустили ошибку. Теперь в театре все предупреждены, все успеют подготовиться и надеть на лица сожаление, горе, предшествующую похоронам печаль, приличествующее ситуации равнодушие к предстоящим переменам в списках исполнителей, все благоразумно забудут все гадости, сказанные покойной или о покойной, – словом, это будет сплоченная против вторжения чужаков семья с настроением «Ах, какое несчастье!»

Конечно, надо было еще вчера звонить им, договариваться о встрече, сделать то, что проделал этот шустрый адвокат, но у Кемаль не было никаких сил, и ему казалось, что ночь не самое лучшее время для разговоров с людьми. Почему он не сообразил, что для артистов никакой ночи не существует?! Спектакли заканчиваются за полночь, а еще надо смыть грим, прийти в себя, переодеться...

Получается, что убитая возвращалась очень рано? Интересно почему? Надо бы узнать у ее мужа.

– Ваш клиент вовсе не арестован, – выждав паузу в речи адвоката, Кемаль решил, что пора браться за дело. – Сейчас его приведут, он свободен – разумеется, в определенных рамках. Подозрения с него пока не сняты, ему придется помогать следствию, и, если не возражаете, я хотел бы задать ему несколько вопросов.

– Он не обязан...

– Это вы ему сейчас скажете, хорошо? – поморщился Кемаль. – Я и так все это наизусть знаю.

Подозреваемый был ужасен.

То есть, наверно, в нормальном состоянии он мог быть и привлекательным или, по крайней мере, обыкновенным молодым человеком, но сейчас... Кемаль даже пожалел, что придется его о чем-то спрашивать.

При виде этого худого, нескладного, невыспавшегося, измученного очкарика с заплаканными глазами он вспомнил английское выражение “in pieces” – распавшийся на куски. Он был воплощением горя, не показного, настоящего горя, которому все равно, как оно выглядит, которое нельзя ни разделить, ни уменьшить, от которого не найти утешения – ни в других, ни в себе самом. Ему еще долго не собрать себя воедино, не заставить думать о чем-то постороннем, таких, как он, горе может сломить совсем, уничтожить, разбить на жалкие осколки, которые не склеить никаким клеем.

«Я бы и сам был таким, – вдруг подумал Кемаль, – если бы с Айше что-нибудь...»

Додумывать такую мысль было страшно, и Кемаль быстро отогнал ее прочь. Какое, к черту, сочувствие, если этот парень – первый и пока единственный подозреваемый? А что он так выглядит, так это, может, и не от горя, а от страха и ужаса: не рецидивист же все-таки. Скорее, неуравновешенный ревнивец, потерявший контроль над своими страстями, а если так – сейчас самый подходящий момент для допроса.

И нравится это тебе или не нравится – отбросишь пробивающееся сочувствие и будешь делать свою работу.

– Господин Волкан, – достав магнитофон, скучным голосом произнес Кемаль, – я должен задать вам еще несколько вопросов. В присутствии вашего адвоката.

– Вы не обязаны отвечать, а все ваши слова могут быть использованы против вас, – как по писаному и как-то на американско-голливудский лад быстро проговорил адвокат. – Вы перенесли сильнейший стресс и можете хранить молчание. Это не будет истолковано как нежелание помогать следствию, не так ли?

– Это никак не будет истолковано, господин Эрман, – отмахнулся от адвоката Кемаль. – Просто чем быстрее мы получим ответы на некоторые вопросы, тем быстрее пойдет дело. А ваш клиент, разумеется, заинтересован в установлении истины, не так ли?

«Навязался на мою голову, будет сейчас к каждому слову цепляться! Нет, демократия, правовое государство, Европа – все это очень хорошо, но как мне допрос-то вести при этом демагоге?!»

– Давайте не будем тратить время, – деловито предложил он адвокату. – Господину Волкану сейчас нелегко, и чем быстрее мы покончим с формальностями, тем лучше.

Молодой человек опустил голову на руки и никак не реагировал на это словесное фехтование.

– Ваши коллеги уже задавали ночью разные вопросы моему клиенту и, кстати, до сих пор не удосужились предоставить мне протокол...

– Это был не допрос для протокола, господин Эрман. Давайте поймем друг друга: было бы по меньшей мере нелепо и практически невозможно не задать несколько вопросов мужу потерпевшей. На месте моих коллег вы поступили бы так же. Нужно было выяснить самые предварительные данные, правильно?

– Вероятно. Но правильно было бы и дождаться адвоката, коль скоро вы – хорошо, не вы, а ваши коллеги! – вздумали в чем-то подозревать моего клиента, пережившего подобное потрясение. Вы же видите, что сейчас он не может отвечать ни на какие вопросы!..

– Спрашивайте, – неожиданно и громко произнес вдруг молодой человек. – Спрашивайте что хотите, только скорее! Что вы можете спросить, что?! Вчера ни одного вопроса нормального, ничего! Если вы не найдете этого подонка... Задавайте свои вопросы, только делайте что-то, делайте! Я сам его найду и убью, ясно вам?! Вопросы! Где я был, что делал?! Я же вам все сказал, не в этом же дело! Какая разница, где был я?! Я уже все объяснил, все! А вы только время теряете, делайте же что-нибудь, делайте!

– Мы делаем, господин Волкан, – успокаивающе сказал Кемаль. Парень не замкнулся в молчании – уже хорошо. – Расскажите, пожалуйста, еще раз, как вы провели вчерашний день. Все, что сможете вспомнить.

– Да при чем здесь я и мой день?! Ну, я проснулся, встал, умылся – вам это нужно? Это?!

– Может быть, и это. Когда вы встали, ваша жена была дома?

– Да. Спала еще, она вчера поздно пришла... позавчера в смысле.

– Поздно – это когда?

– Около часа, по-моему. У нее спектакль был.

– Вы ее встречали?

– Нет... какая вам разница, господи?! – раздражение Волкана вспыхнуло с новой силой, но Кемалю показалось, что на этот раз оно было вызвано его вопросом. Что-то в этом, пожалуй, есть: не поехал встречать жену ночью после спектакля, но почему-то поехал вчера, когда она возвращалась не поздно.

– А вчера спектакля не было? – сделав вид, что тон Волкана его не заинтересовал, продолжал Кемаль.

– Нет. Вчера у нее только класс был, в половине одиннадцатого, потом репетиция на сцене, а потом она к костюмерам собиралась, что-то там с костюмом не то было.

Похоже, он в курсе всех дел своей жены, правда, говорит о них с каким-то недовольством – или это все тот же стресс?

– А как вы с госпожой Пелин познакомились?

Волкан удивился. Такого вопроса он не ожидал, сейчас, наверно, опять начнет кричать, что полиция занимается ерундой и что это никого не касается.

– В автобусе, – неожиданно покладисто ответил молодой человек. – Она в театр ехала, у нее на карточке денег не осталось, а тогда шоферы еще наличные не принимали. Она и стала спрашивать, у кого на карточке есть... я за нее заплатил, она деньги все хотела отдать, так и разговорились.

– Понятно. Так куда вы вчера ходили?

– Да куда! Нет, к одному клиенту ходил, это рядом, у него с монитором проблемы.

– Починили?

– Нет еще! – снова ошетинился Волкан. – Вот выпустите меня, тогда и починю! А вчера у меня другие дела были.

– Когда вы поехали встречать жену?

– Не помню... часов в пять вроде.

– А вы с ней договаривались?

– Да какое вам дело?... Нет, не договаривался, хотел сюрприз сделать.

– Где вы ее ждали?

– Где-где! У театра этого проклятого, где же еще!

Так. Не нравилось тебе все это, да? Театр, танцы, богема – или, может быть, успех и известность? Вот ведь они, совсем рядом, а не твои. Или все-таки примитивная ревность?

– Сколько времени вы прождали?

– Не помню я, полчаса, час, какая разница?

– Господин Волкан, было бы хорошо, ели бы кто-нибудь вас там видел и вспомнил. Где именно вы ждали жену? Заходили в кафе или в магазины? Дождь же, кажется, был?

– Господин Волкан не обязан оправдываться, – воспользовался случаем адвокат. До этого Кемаль задавал вопросы быстро и словно вскользь, как будто перекидывался в пинг-понг, а господин адвокат лишь напряженно следил за легким скачущим шариком. – Убийство совершено не в это время, и мой клиент...

– Ваш клиент, по-моему, не возражает против моих вопросов. Мы же хотим найти убийцу, правильно? – примирительно сказал Кемаль, словно успокаивая готового расплакаться ребенка. Да и кто он, в сущности, как не растерявшийся и действительно готовый заплакать ребенок? Мальчишка, двадцать шесть лет – что он видел и что он знает?... Теперь, правда, он видел, во что превратилась женщина, которую он любил, но разве это то, что помогает взрослеть?

– Никуда! Я никуда не заходил! Я постоял перед театром... под зонтом постоял, потом понял, что она могла не через служебный вход выйти, а через главный, пошел туда, там постоял. Может, меня кто и видел, не знаю! Они же выходили там все...

– Кто именно, не помните? У вас были знакомые в театре?

– Да, но... – он попытался сосредоточиться и припомнить, но, видимо, не смог и снова разозлился: – Какая, к черту, разница – выходил, не выходил?! Вы теряете время, время, понятно вам?! Делайте что-нибудь, делайте! Ищите этого мерзавца, я вам говорю! Или я...

– Остановите запись, пожалуйста, – вклинился адвокат, не дав Волкану произнести угрозу, – мой клиент сейчас не в том состоянии, чтобы вы могли продолжать допрос. Он не отвечает за свои слова, поскольку находится в состоянии глубочайшего стресса.

– Хорошо, – согласился Кемаль, – я, собственно, записывал только для того, чтобы ничего не упустить. Вы же понимаете, что разные мелочи могут оказаться важными. Словом, вы с госпожой Пелин разминувшись, правильно?

– Ну да, да! Разминувшись, и я домой поехал.

– А звонить ей вы пробовали?

– Пробовал, разумеется, сколько раз! Только у нее телефон выключен был. Они во время репетиций выключают... она потом всегда забывает... – настоящее время глагола, похоже, поразило его: Волкан опустил голову на руки, длинная челка, качнувшись, совсем заслонила лицо, парень издал судорожный звук, не то стон, не то всхлип... что ж, ваш выход, господин адвокат, самое время для защиты обиженных.

Интересно, где парень так быстро нашел адвоката?

Этот Эрман уже вчера приступил к делу: скорее всего, друг семьи, или чей-нибудь знакомый, или сосед знакомого, или знакомый соседа, вот и старается.

– Вы, наверно, где-то там рядом живете? – выслушав очередную адвокатскую тираду, совершенно неофициальным тоном спросил Кемаль.

– Да в том же доме! – охотно пошел на контакт Эрман, словно ему тоже уже надоели эти игры в правильные и красивые слова и хотелось поговорить нормальным языком. – Моя жена вышла узнать, что случилось, она с матерью Волкана знакома, вот и вызвала меня, чтобы помочь. Ясно же, что он здесь ни при чем, вы сами на него посмотрите!

– Я смотрю, – выразительно произнес Кемаль, – и вижу, что в состоянии аффекта ваш неуравновешенный молодой клиент мог натворить много такого, о чем теперь искренне жалеет.

Что ж, пора переходить к следующему номеру. Кемаль выдвинул ящик стола и достал оттуда кусок светло-серого провода.

– Знакома вам эта вещь?

Волкан на секунду вынырнул из моря своих страданий и почти осмысленно посмотрел на то, что ему показывали.

– Ага, – равнодушно кивнул он, – обычный сетевой кабель. Для подключения Интернета по выделенной линии. А что такое?

– У вас такой имеется?

– Ну да, – он снова начал раздражаться. – Вам-то что?! Мало ли какие кабели у меня... имеются! Охота вам ерундой заниматься!

– Это не ерунда, господин Волкан. Дело в том, что точно таким же кабелем была задушена ваша жена. И у нас есть основания полагать, что тот кусок кабеля был отрезан от принадлежащего вам мотка.

– Что это за «основания»? У вас есть заключение экспертизы? – вредным голосом спросил адвокат.

– Вы прекрасно понимаете, что пока нет. Никто так быстро никаких заключений не даст. Но вероятность существует. Кабель отрезан под косым углом, судя по всему, кусачками, и точно так же обрезан кабель, который мы изъяли из квартиры господина Волкана. Не так, как вот этот, – Кемаль показал Эрману специально взятый у компьютерщиков кусок провода, который он предъявлял подозреваемому, – а наискосок.

– Все эти провода абсолютно одинаковые! Вы не можете использовать это в качестве доказательства и строить обвинение на таких шатких основаниях.

Интересно, он изначально умел говорить такими фразами и поэтому подался в юристы, или это приобретается во время учебы и последующей казуистической практики?

– Кабель! – вдруг выкрикнул молодой человек, и взгляд его сделался совершенно безумным. – О господи, кабель! Да кто угодно может его взять где угодно!.. Даже если он мой, этот кабель! Я не убивал ее, как вы не понимаете?! Да, мы ссорились, ссорились – это вам уже доложили! Но я ее люблю, и поэтому!.. Я этот ее театр ненавижу! Ненавижу, понимаете?! Я бы его взорвал, будь моя воля... мы год женаты, а сколько дней вместе?! Сколько, вы знаете?.. Ни о ребенке слышать не хочет, ни о чем... Этот проклятый балет все убивает, все! Они там ненормальные все, если хотите знать! Кабель, при чем здесь ваш кабель?! При чем здесь я?! Я ее умолял бросить все это к черту, пока не поздно! И вот, он ее все-таки убил, убил!

– Кто именно, господин Волкан? – осторожно и вкрадчиво, чтобы не спугнуть, спросил Кемаль.

– Я же вам говорю: балет! Балет этот проклятый! Этот чертов... – последнее слово пропало в рыданиях, а челка и руки снова скрыли измученное лицо.

На какую-то долю секунды они, адвокат и сыщик, почувствовали себя союзниками – все понимающими взрослыми, склонившимися над безутешным ребенком, но, обменявшись быстрыми взглядами, опять превратились в тех, кем им положено было быть.

«Видите, как легко я сыграю на его невменяемости и состоянии аффекта! Может, он ее и убил, но это вы еще докажете, а невменяемость налицо!» – ясно выразил один взгляд.

«Вам лишь бы зацепиться и играть в свои игры, а я убийцу ищу. И найду, будьте спокойны, вменяемого или невменяемого!» – ответил ему другой.

4. Вальс

Ноябрь... что может быть хуже?!

Для Лизы это всегда был самый нелюбимый месяц, а уж в этом году...

Темнеет рано, и нет надежды, что дни скоро, совсем скоро начнут удлиняться; начинаются холода и дожди, и нет надежды, что скоро, совсем скоро будет весна; и школьные хлопоты позади, и перешли на зимнее время, и до Нового года еще далеко, и нет надежды... на что? Да ни на что нет никакой надежды!

Лиза пошла на кухню и забыла – зачем.

Постояв несколько секунд в растерянности, она попыталась привычно собраться с мыслями: никакого беспорядка на кухне, разумеется, не было, на плите ничего не варилось и не требовало внимания, дети ее ни о чем не просили.

Зачем она здесь?

За окном выл и гудел ветер – как всегда в ноябре.

Дождь стучал то в стекло, то по балкону, и тьма (не иначе как пришедшая со Средиземного моря!) так плотно занавесила окна, что, как и каждый длинный ноябрьский вечер, Лизе казалось, что эта тьма вовсе не до утра, а навсегда.

Тьма и ветер хозяйничали в ноябре и делали что хотели.

Никакие двойные стекла, никакие ставни и стены не защищали от них, они насвистывали свой жуткий вальс и крутили в нем оторванные от деревьев листья; море, днем так красиво расположившееся за окном, превращалось в пугающий черный провал; горы огромными монстрами надвигались со всех сторон; тьма властно и безнаказанно обступала дом, и распоясавшийся ветер с такой злобой трепал росшее под окном дерево, как будто хотел показать Лизе, кто настоящий хозяин города.

А если опять землетрясение?

За две недели Лиза пыталась приучить себя не думать об этом.

Зачем думать, если предсказать ничего невозможно, если сумка со всем необходимым давно собрана и стоит в прихожей, а алгоритм действий продуман и отработан?

И при всем этом – как же не думать?!

Если бы в нашей власти было приказать себе думать или не думать, или не волноваться, или спокойно спать, или что-то чувствовать, или не бояться...

Да, конечно, сумка, в которую специально проинструктированные в школе дети положили фонарик, и воду, и свисток, стоит в прихожей, но, рассуждая логически: чем может помочь сумка?! Кто-то же должен вовремя проснуться, понять, что происходит, поднять мальчишек, добежать до двери, принять решение (и не какое-то, а верное решение!), куда бежать дальше, и только после этого подхватить спасительную сумку и действовать.

Лиза любила рассуждать, в ее жизни пока не было ситуаций, когда нужно было подчиняться интуиции, и ей казалось, что из трех возможных вариантов поведения при землетрясении – выбежать на улицу, подняться на крышу или спрятаться под прочный стол – она непременно выберет не тот, который нужно. Кроме того, ноябрь, а значит, на улице холод, и мальчиков надо как-то одеть и одеться самой, а это тоже время, драгоценное время!

Поэтому спали они теперь в теплых пижамах, в которых при необходимости можно было сразу выйти и, не замерзнув, добежать до машины. Вернее, спали Денис и Тимур.

Лиза почти не спала, ее спасало только то, что можно было прилечь днем, когда сыновья были в школе. Уроки возобновились, и, проводив мальчиков до школьного автобуса, Лиза с облегчением вздыхала. Современное здание дорогой частной школы было специально укреплено на случай землетрясения, оно было не очень высоким, и при нем был большой парк, куда при малейшей опасности быстро и организованно выводили детей.

Лизе казалось, что сама она, растерянная, испуганная, не смогла бы быстро и организованно сделать ничего полезного. Особенно если будет спать. Потому что спала она так, что разбудить ее было невозможно, и это было вечным предметом насмешек ее родных.

Теперь, вот уже несколько недель она спала урывками и только днем, а ночью, заставив себя лечь, чтобы не мучиться еще больше, дремала, стараясь быть настороже и прислушиваясь к любым ночным звукам, всегда не таким, как дневные, – непонятым, громким и пугающим.

И каждый вечер, предвещающий наступление еще одной такой ночи, нагонял на нее тоску.

Чтобы отвлечься, она каждый вечер – в час назначенный! – то хваталась за книгу, то пыталась смотреть какой-нибудь фильм, то принималась готовиться к урокам, то бралась за какие-то навсегда отложенные хозяйственные дела, но ничего хорошего из этого не получалось. Лиза привыкла рано вставать и переделывать все, что можно, в первой половине дня, по вечерам же она была не способна ни на что, кроме ужина и поездок с детьми на разные курсы.

Хоть бы и сегодня нужно было куда-нибудь ехать! И пусть там ветер, дождь и прочие ноябрьские радости – зато можно было бы не бродить бесцельно по квартире, не зная, за что взяться и чего ожидать.

Вот, спрашивается, зачем она все-таки притащилась на кухню?!

Так нельзя, надо что-то с собой делать, ты одна, и у тебя дети, а, между прочим, общеизвестно, что детям тяжело и вредно наблюдать, как их мать плачет или нервничает. Или не знает, как выйти из какой-то ситуации. У них от этого могут развиваться всякие страхи, неуверенность в себе и... мало ли что еще!

Лиза закрыла жалюзи и задернула занавески. Так, по крайней мере, эта темнота за окном не бросается в глаза. Правда, с другой стороны, она же там, никуда не делась, глупо просто отгораживаться от жизни, разве жалюзи спасут тебя от землетрясения?!

Снова открыв жалюзи, Лиза заставила себя посмотреть на зажженные уличные фонари и светящиеся окна соседних домов – видишь, какая мирная картинка.

В соседнем доме непривычно светилося – не окно, нет, весь огромный, опоясывающий квартиру застекленный балкон. Лиза и не заметила, что там начали делать ремонт, а ведь раньше все замечала, все! И вот балкон застеклен сверху донизу, освещен экономным голубым светом и похож на аквариум, и там, за стеклом, какие-то люди что-то делают, кажется, красят стены. А одну стену и вовсе сломали, чтобы увеличить комнату, не побоялись. Значит, верят, что их дом не разрушится, что все в порядке, все как всегда.

Вот именно что «как всегда».

Это было совсем не то «всегда», которое было в ее прежней жизни.

Там все было понятно, логично и как-то солнечно, даже если приходил ноябрь или начинался дождь. Тогда было ясно, что нелюбимый ноябрь не может не прийти, ну и пусть приходит, всего-то тридцать дней; дождь тоже закончится, его, в конце концов, можно переждать дома, а мальчишки даже любят выскакивать на улицу и мокнуть.

А где можно переждать землетрясение?! В бомбоубежище, которые в свое время им показывали в Москве на занятиях с символичным названием «гроб» – «гражданская оборона»? Да разве в Измире найдется бомбоубежище?! К тому же его завалит к черту, если землетрясение будет достаточно сильным, и все дела.

Плохо было еще то, что землетрясения было не видно.

В том смысле, что вот наводнение, к примеру, или смерч какой-нибудь можно увидеть: прибывает вода или приближается нечто, как у Чехова в «Черном монахе», или течет лава, или надвигается цунами или ураган. Это можно увидеть и успеть что-то предпринять. Эти беды не обрушиваются совсем неожиданно, как снег на голову... впрочем, при чем здесь снег? Уж он-то, вопреки пословице, весьма предсказуем и к тому же безопасен.

Разве что лавина... но тот, кто идет в горы, знает, куда и на что идет, и (как там у Высоцкого?) никто не гибнет зря, и лучше, чем от водки и от простуд, правильно?.. Но по этой логике и ты сознательно идешь на риск, живя в таком опасном месте, вон родители звонят каждый день и уговаривают вернуться, даже муж вроде бы проникся вероятной опасностью и предлагает приехать.

А ты, дорогая бедная Лиза, сидишь в своем любимом Измире, рискуя жизнью детей.

Вернее, не сидишь, а стоишь посреди кухни в полном отупении, открываешь и закрываешь жалюзи, и боишься, и спать ты опять сегодня не сможешь. И перечисляешь мысленно все существующие стихийные бедствия, от которых, как от военных действий или преступников, можно как-то защищаться. А вот от террористов, например, никакой защиты нет, и нельзя ничего предсказать и предпринять, и грозят они каждому, любому, где и когда угодно – как землетрясение.

Получается, если другие стихийные бедствия и катаклизмы – это война природы с человеком, то землетрясения – это ее терроризм! Лизе на секунду стало смешно от собственных запутанных умозаключений: вот ведь как мысли кружатся.

Тук-тук-тук! Раз-два-три!

Стукнули неплотно прикрытые ставни в спальне – знакомый, привычный, почти каждый ветреный вечер повторяющийся звук. Привычный, ритмичный – нечего бояться, сейчас он снова повторится... ну же... вот, правильно! Раз-два-три – все нормально, все предсказуемо. Ставни надо закрепить, но для этого нужны мужские руки, у самой Лизы ничего не получилось, вызвать мастера недосуг, да и стук этот, в общем, не мешает. И ветер ведь не всегда такой, как сегодня.

Нынче ветрено, и волны с перехлестом... волн в такой темноте не увидеть, но лучше вспоминать стихи, чем просто стоять тут и бояться. Что там еще про ветер, кроме хрестоматийного блоковского «на всем божьем свете»?

Ах, нынче ветру до зари дуть сквозь стенки тонкие груди – в грудь! Господи, как все это... сквозь стенки и до зари – это-то и пугает!

Стихи заодно со стихией – наверно, так и должно быть, по крайней мере, по-русски, а уж думать Лиза могла только на этом языке.

Раз-два-три. Вальс с чертовщиной. О, вальс в три па!

Ей показалось, что они действительно раздаются – отчетливые, осторожные и увлекающе-мерные звуки вальса. Пожалуйста, стучи сколько угодно, это просто вальс, я его не боюсь. Или все-таки?..

Дикий крик, от которого она чуть не подскочила, донесся из детской.

– Это сыр! Сы-ы-р, я тебе говорю! Мам, скажи ему, что если сыр, то нельзя!

– Господи, какой сыр?! Тим, ты меня напугал, нельзя же так! Все соседи тебя слышат, наверно! Какой еще сыр?! Где?

– Ничего не сыр! – тут же вступил старший. Одно название что «старший» – двенадцатый год, шестой класс по местным правилам, а в России был бы пятый, тоже маленький еще, и зря, наверно, Лиза все убеждает его быть взрослее. – Ты сама говорила, что если братья, то никакой не сыр!

– Господи, вы о чем?! – перекрикивая уже ревушего младшего, в отчаянии завопила Лиза. – Какой сыр и где?! Все сначала, пожалуйста, и по порядку! Денис?

Лиза всегда старалась выслушать обе стороны и по возможности соблюдать хоть видимость справедливости. Поэтому, когда она, указывая на одного из сыновей, с интонацией телеведущей, взывающей к далекому специальному корреспонденту, посланному на место конфликта, произносила его имя, второй, как правило, замолкал и ждал своей очереди дать свидетельские показания.

– Ну, я ничего не делал, – как обычно, начал ныть Дениска, – я просто вошел... что нельзя в комнату войти?!

– Нельзя, потому что сыр! – вклинился в паузу младший, не дотерпев до конца фразы.

– Да где у вас сыр, я не понимаю?! В комнате?!

– Ну да, у меня! А Денис пусть не смотрит, потому что... как это? Секрет, вот!

Господи боже мой.

Все понятно.

«Сыр» по-турецки означает «секрет», а дети говорят так, как им удобнее, то есть смешивая три, а иногда и четыре языка. Родные им русский и турецкий, изучаемый в школе с пяти лет английский, а теперь еще и немецкие словечки, которыми щеголял Денис, начавший учить его в средней школе.

– Да мне наплевать на его малышовые сикретсы! – почти по-английски завопил Денис. – Я вошел, а он...

– А у меня сы-ы-р, я тебе говорю!..

– Слушайте, замолчите-ка оба! Телефон, по-моему, звонит?

Лиза побежала в гостиную, радуясь тому, что разговор с кем-нибудь (какая разница, с кем – с кем угодно!) отвлечет ее от вечерних страхов, и надеясь, что во время этого разговора мальчишки не начнут кричать так, что придется его прервать.

– Алло, – смягчив звук «л» так, чтобы ответ был приемлем и по-русски, и по-турецки, сказала она в трубку.

– Алло, – нетерпеливо повторила она, не услышав ответа.

– Лиза?.. – неуверенно и почему-то удивленно выговорил наконец мужской голос.

– Цветан? – так же неуверенно уточнила Лиза.

Хорошим слухом она не отличалась и могла запросто перепутать голоса. Бывали забавные случаи, когда она вела беседу с племянницей, полагая, что говорит с золовкой. Родственницы обижались, а Лизе казалось, что они могли бы выучиться телефонному этикету и представляться, не рассчитывая на определители номера.

– Да, я... простите, Лиза, я не вам звоню, это ошибка. Я, наверно, нажимал не ту кнопку, – начал обстоятельно извиняться Цветан.

«И так понятно, что нажимал не ту кнопку!» – почему-то разозлилась Лиза.

Надежда на отвлекающий разговор испарялась, сейчас он еще раз извинится и будет звонить тому, кто ему нужен, своей балерине, например. А она не нужна – и снова будет ходить как потерянная, смотреть в темные окна и вздрагивать от любых звуков. От вальса с чертовщиной в исполнении ветра.

– Еще раз простите...

– Ничего страшного, пожалуйста, – на всякий случай улыбнувшись, как будто ее злость на том конце провода могла быть замечена, если она не улыбнется, ответила Лиза.

– Я звонил Ринату, – ага, значит, не балерине, а мне-то что?! – Но вообще-то, так даже лучше...

– Что лучше?

– Может быть, вы могли бы приехать завтра в театр? Мы с Ринатом можем не все понять или не так перевести, а тут...

– А что случилось? – заинтересовалась Лиза. Злость прошла так же быстро, как появилась.

– Вы, наверно, заняты, но тут есть проблемы...

– Что-нибудь с постановкой? – Лиза думала, что ситуация с «Лебединым» уже перестала быть «ситуацией» и все нормализовалось: приехал знаменитый постановщик, шли репетиции, шились костюмы. Нелли держала ее в курсе и частенько по вечерам выплескивала по теле-

фону свои переживания, которых у нее всегда было много по малейшему поводу. – Мне Нелли ничего такого не говорила.

– Нет, не совсем. Завтра полиция придет, они сегодня уже были, с турками общались, а с нашими без переводчика трудно, они завтра с переводчиком придут, но, может быть, вы тоже могли бы?

– Могла бы, а что случилось-то? – господи, из этого тоже ничего не вытянешь толком, как из ее мальчишек! Тоже, что ли, сы-ы-р?!

– Случилось несчастье, погибла Пелин... это наша балерина, может быть, вы знаете?

– Конечно, знаю! – как же не знать? Красавица Пелин, звезда труппы, Жизель и Аврора, а теперь еще и Одиллия и Одетта... что же будет с постановкой? – А что с ней?

– Нам ничего толком не рассказали, но идет... следствие, – чуть помедлив, подобрал слово Цветан. – Говорят, ее убили, но кто и как... – он замолк, но Лиза сразу же представила себе, как он сделал характерный жест рукой, означающий неизвестность или неопределенность.

– Мам, у тебя мобильник мяукает! – закричали из кухни, и послышались звуки не то борьбы, не то драки.

– Ну и несите его сюда! Извините, Цветан, это я не вам, тут мобильный звонит... я завтра приеду, если нужно.

– Спасибо, в десять или в десять с половиной, если вы не заняты.

– Нет-нет, не занята... прекратите сейчас же! Дай его сюда, Тим... извините, Цветан, всего доброго!

– До завтра, Лиза, спокойной ночи.

– Спасибо, – серьезно ответила она, как будто Цветан мог знать о ее проблемах и действительно пожелать ей спокойной ночи – в прямом смысле слова. А было бы неплохо – провести хоть одну спокойную ночь!

– Что ты не подходишь-то?! – возмущенно закричала Нелли, едва Лиза нажала на кнопку. – Домашний у тебя занят целый час!

– Ничего не час, это Цветан звонил, я две минуты разговаривала... подожди, я тебе перезвоню. Что у вас там случилось? – спросила она, набрав домашний телефон Нелли. – Цветан что-то сказал про Пелин, но я так ничего и не поняла.

– Да никто ни черта не понял! Игорю послезавтра улетать, а тут следствие это! Вдруг они его не выпустят, как ты думаешь?

– Почему не выпустят? Я, конечно, порядков не знаю, но вряд ли... да что с Пелин-то?

– Убили ее, представляешь? – Нелли издала характерный вздох, и Лиза поняла, что она говорит, не выпуская изо рта сигареты. – Сегодня из полиции приходили, нас тоже пытались допрашивать, только толку-то! Ты завтра с утра можешь?

Хорошо, что я уже в теме, подумала Лиза, иначе ничего бы не поняла. Нелли не давала себе труда договаривать фразы. Или говорила так, словно ее собеседники были заведомо в курсе проблемы, знакомы со всеми, кого она упоминала в своих рассказах, знали всю ее жизнь и не нуждались в дополнительных пояснениях.

– Да, я приеду, мне Цветан сказал уже...

– Как это он тебе дозвонился?! У тебя же вечно занято!

– Почему вечно, Нель? Это я с ним и разговаривала, а до этого было не занято, а он, между прочим, вообще не мне звонил, – зачем-то объяснила Лиза. Просто чтобы разговор продолжался, наверно?

– Как это не тебе?! А кому?

– Ринату, кажется, но попал ко мне, ну и рассказал про Пелин...

– Нет, ты представь, какой ужас! Тут и так с этим «Лебединым» проблем выше крыши, а теперь еще это!

– А кто же танцевать теперь будет?

– А черт его знает! Вчера все перегрызлись уже, как только от полиции избавились. Это видеть надо было: то ходили на цыпочках с постными лицами, ах, как жаль, ах какая потеря, а как сыщики эти ушли, что началось! А чайки наши знаешь что выкинули? Им, видно, кто-то с утра уже про Пелин рассказал, так они взяли и перекрасились обе – теперь одна блондинка, другая брюнетка! Ты понимаешь, куда метят, да?

«Чайки». Так, с легкой руки болтуна Романа, неожиданно оказавшегося в тени знаменитого Гинтараса и компенсирующего свое поражение всеми способами, в основном веселой и пустой болтовней, стали называть двух сестер-балерин по фамилии Генчай.

Ипек Генчай и Ясемин Генчай – они были похожи, как близнецы, хотя на самом деле одна из сестер была на год старше.

«Господи, что за имена у них у всех, не выговоришь! – громогласно жаловался Роман, пользуясь тем, что обладательницы имен, стоящие рядом, его не понимают. – Что за «чай» какой-то?! Почему «ген», интересно? «Генеральский чай», да? Похоже на «генштаб»! Да и имена – не дай бог!»

«Вы неправильно делите, – поправила тогда присутствовавшая при этой сцене Лиза. – Не «ген» и «чай», а «генч» и «ай». Означает «молодая луна» или «молодой месяц», как вам больше нравится. И имена вполне нормальные для турецкого языка – «Шелк» и «Жасмин», очень распространенные».

«А моя фамилия по-турецки как бы была?» – с неподдельным интересом вмешался приехавший накануне Гинтарас.

Он знакомился с труппой, с ужасом и изумлением осматривал маленькую и едва пригодную для постановки сцену, приступал к работе, и Лизу тогда позвали на всякий случай – мало ли кто кого не поймет. Гинтарасу, впрочем, она оказалась почти не нужна: он сносно говорил по-английски, обаятельно и доброжелательно улыбался, привычно восполнял недостающие слова выразительными жестами, был спокоен и прост, несмотря на звездный статус, и все его понимали и без Лизиной помощи. Разве что сам он не понимал говорящих по-турецки, но все турецкие фразы кто-нибудь охотно переводил на английский, без сложных слов все легко и весело обходились, – вообще, как сразу почувствовала Лиза, знаменитый танцовщик принадлежал к тем, с кем легко и приятно общаться и кто умеет ладить с людьми. Неважно, на каком языке.

«А что с вашей фамилией?» – не поняла Лиза, и ей стало неловко оттого, что она вдруг забыла эту знаменитую литовскую фамилию.

«Даугела» означает «лесной», – помог ей Гинтарас.

«Тогда по-турецки было бы «Орман», – сказала Лиза, тотчас же вспомнив совершенно, на ее взгляд, неудобоваримое сокращение от звучного литовского имени, которое уже ввела в обиход Нелли. Она превратила «Гинтараса» в «Гену», и почему его обладатель мирился с этим ужасным крокодильим прозвищем, было непонятно. Наверно, по доброте душевной, которой у него, кажется, было немало.

«А «Гинтарас», кстати, означает «янтарь», так что я «лесной Янтарь», представляете? – засмеялся, став еще привлекательнее, знаменитый литовец. – У нас, в литовском, очень много таких имен – со смыслом. Типа как «Вера», «Надежда», «Любовь».

«Значит, ты у нас драгоценный камень? Или янтарь все-таки полудрагоценный? – попытался сосричь Роман. – Так сказать, Каменный гость!»

«Который хуже татарина?» – подмигнув, спросил Гинтарас.

«Я бы попросил насчет татар! Иго давно закончилось, а вы все туда же! – влез и Ринат. – У нас тоже говорящих имен полно!»

«В турецком почти все такие, – сказала Лиза. – В принципе, можно выбрать любое слово и так назвать ребенка. «Дениз», например, «море», причем так и девочек называют, и мальчиков...»

«А Ротбарт наш и вовсе Тайфун! – вспомнил Роман. – Нет, ну как можно человека назвать Тайфун, а? Что за язык такой! И чайки эти – шелк и что еще? Жасмин? Это еще куда ни шло, но «шелк»?! Черт-те что, по-моему!»

Значит, девушки-чайки быстро сориентировались.

Конечно, ни одной из них партия Одиллии-Одетты не светила: молодые еще, в труппе недавно, техника не та, какие там тридцать два фуэте, – однако в отсутствие примы Пелин, в таких форс-мажорных обстоятельствах, да поделив роль пополам... почему нет? Не отменять же премьеру, когда до нее три недели, когда государственные деньги уже вложены, да и спонсорские истрачены, и костюмы сшиты, и декорации сделаны! Вечное, соблазнительно безнравственное “Show must go on!” любого искусства со времен античных амфитеатров – хоть трава не расти!

– Короче, ты давай завтра, приезжай!

– Хорошо, приеду, я же сказала. В десять с половиной, – улыбнулась она, вспомнив, как это сказал Цветан.

– В пол-одиннадцатого, что ль?! Слушай, ты тут по-русски говорить разучилась уже!

– Нет, это не я, это Цветан так сказал...

– У него, кстати, с ней, одно время вроде было что-то, только она потом замуж вышла, и все.

– У кого? – не поняла Лиза.

– Да у Цветика же! С Пелин! Только давно вроде. Может, это он ее и убил, ха-ха?! Типа из ревности, а?

– Нель, ты хоть полиции такого не говори... и вообще никому! Сама подумай, у вас же там одни сплетни, кто-нибудь подхватит, а у человека неприятности будут.

– Да ладно, шучу я, что ты так заволновалась? Все, до завтра, пока!

Телефонные разговоры Нелли заканчивала так же стремительно, как начинала: просто отключалась в тот момент, который лично ей казался подходящим, и все.

А Лиза так и осталась с трубкой в руке и ощущением какой-то недоговоренности.

Ничего себе, события – разве так бывает? Нет, где-то и с кем-то – понятно, а чтобы так близко к тебе?

Как землетрясение.

Так же страшно и неожиданно.

Измир казался Лизе очень спокойным и некриминальным городом, газеты иногда пытались раздуть хоть какие-то преступления, как правило, совершенные на бытовой почве, изредка соседи судачили о квартирных кражах и угнанных машинах – что ж, мегаполис все-таки, никуда не денешься! – но в целом, по сравнению с Москвой или Петербургом, жизнь здесь была более безопасной, тихой и размеренной. Соседи, даже в высоких многоквартирных домах, знали друг друга, дети спокойно гуляли во дворах и бегали в магазин за хлебом, забытую в кафе сумочку могли сохранить и вернуть, подъезды освещались, домофоны работали, подrostки почему-то не писали всякие гадости в лифтах и не поджигали пластмассовые кнопки с номерами этажей. Нет, на этом идиллическом фоне, конечно, иногда что-то случалось – на радость прессе и читающим ее, скупающим пенсионерам.

Вот и случилось.

Лиза едва знала Пелин, вернее, балерина едва знала Лизу и лишь слегка кивала ей при встрече, как знакомому, примелькавшемуся лицу. Саму приму, разумеется, знали все. Красивая, молодая, талантливая – как же так?.. Ей ведь лет двадцать пять было, не больше, как жалко! Значит, у Цветана был с ней роман – как это я угадала?

– Мам, у меня труд завтра или нет? – завопил из своей комнаты Денис.

– Не кричи, пожалуйста, оттуда, тебя слышат все соседи, – в сотый раз привычно сказала Лиза. – Почему ты меня спрашиваешь, интересно? У тебя расписание перед глазами висит!

– Ничего не висит, я на кровати лежу и не вижу! Если завтра, то мне нужен картон.

– Денис, ну сколько можно?! Почему ты мне всегда это говоришь в последний момент? Где я сейчас возьму картон?!

– Мам, у меня есть, я ему дам, ты только не плачь, – высунулся из своей комнаты со спрятанным там «сыром» Тимур.

Ну вот, дожили: «только не плачь».

Лиза всегда считала себя довольно уравновешенной – или зря она так считала? Да нет же, она и была такой – спокойной, терпеливой, владеющей собой, это после этого землетрясения что-то в ней надломилось. Вон уже дети говорят – не плачь, значит, и правда, пора брать себя в руки.

Тук-тук-тук. Раз-два-три. Вальс со слезой.

«Я должна научиться жить одна, – вдруг окончательно, бесповоротно решила Лиза. – Я никогда не пробовала и не умею. Я три года одна, практически одна, но разве я чему-нибудь научилась? Нет, я решаю только сиюминутные вопросы, не решить которые нельзя, я занимаюсь детьми, а дети – это все равно что я, я делаю вид, что живу, а на самом деле я жду. Жду, что он приедет и мы опять будем жить вместе... потому что вообще-то я совсем не умею жить одна. Для меня это... как в одиночку танцевать вальс, вот именно – вальс! Я понапихала в свою жизнь всего, чтобы занять время и не задумываться. А пора бы задуматься. Три, нет, уже три с половиной года – не маленький срок, а я прожила его, как в тумане, ожидая, что все изменится. Но больше я ничего – и никого! – ждать не буду! Я научусь жить одна, научусь!...»

Раз-два-три.

В прошлом году от такого же урагана упало дерево во дворе, большая высокая лиственница, но из-за шума и воя ветра никто даже не услышал этого, и на утро все с удивлением разглядывали огромные, вывороченные из земли корни. Может, и сейчас там, за стенами что-то происходит, что-то страшное и плохое?

Раз-два-три. Вальс начинается, дайте, сударыня, руку... очень кстати, когда, как говорится, некому руку подать.

Раз-два-три... что ж, когда-нибудь оно все-таки наступит – спасительное, безмятежное утро!

5. Чардаш

В коридоре царила музыка.

Она вырывалась из тесного ей репетиционного зала, пролетала крошечный кафетерий, заворачивала за угол и захватывала коридор.

Первые, осторожные, вкрадчивые аккорды выглядели потихоньку, словно осматриваясь, можно ли, следующие были смелее и звучнее, и темп нарастал, еще подчиняя страсть ритму, но вот ее уже не сдерживало ничто, и она вихрем, с перезвоном гусарских шпор, с блеском эполет, с перестуком каблучков неслась по коридору, распахивала дверь на лестницу, кружила там по тесной лестничной клетке, и, недовольная, возвращалась обратно, и взлетала к высокому потолку, и упрекала встречных: как вы можете не танцевать?!

Когда она вдруг оборвалась, Лиза вздрогнула от резко обрушившейся тишины, как обычно вздрагивают от шума.

– Не так! Вот здесь: и – раз! – донеслось из зала, и музыка снова зазвучала, но уже без страсти, с какой-то разъясняющей медлительностью, такт за тактом, откуда-то из середины. – Вот! Да, так! Еще раз! Руку, руку... да скажите же ему! И – раз! Да! Сначала!

И первый, обманчиво робкий аккорд снова выглянул из-за двери, и потянулись за ним те, что посмелее, и вот опять чардаш, так и зовущий отбросить условности и пуститься в пляс, грянул и полетел над коридором, и Лиза, вдохнув эту музыку, на секунду испытала какое-то давно забытое, беззаботное ощущение юности и почти счастья.

А ведь нет ничего страшного в том, чтобы быть одной, – не успела подумать, а скорее почувствовала она, – можно и так быть счастливой, хоть от музыки.

– Прекрасная музыка, – негромко сказал кто-то у нее за спиной.

– Да, – машинально кивнула она незнакомому мужчине и по привычке все объяснять и переводить добавила: – Венгерский танец, кажется.

Не говорить же по-турецки «чардаш», все равно не поймут.

– А вы балерина? – доброжелательно улыбнулся незнакомец.

– Я? Нет, что вы! – наверно, замаскированный комплимент, разве ее можно принять за балерину? Хотя... для непосвященных – не толстая, даже наоборот, волосы собраны в пучок, держится прямо – может быть, и достаточно. Да и потом кого здесь еще можно встретить, около репетиционного зала, кроме балерин?

– Но вы иностранка, да? – пожалуй, он становится навязчивым.

Лизе хотелось слушать не его, а музыку: может, то, на мгновение пришедшее к ней чувство вернется. Лиза сдержанно кивнула, обозначая дистанцию, и отошла к неплотно прикрытой двери зала. Кто ее открыл – сквозняк или чардаш?..

– Из России? – незнакомец явно не собирался прекращать разговор. Вот ведь правда: никогда не разговаривайте с неизвестными! Надо тебе было ввязываться в беседу, теперь не отстанет. Лизе так надоело отвечать на одни и те же вопросы, которые постоянно задавали ей в последние несколько лет!

– Да, из Москвы, – пресекая следующий вопрос, сказала она и отвернулась, словно заглядывая в зал. Надо же как-то дать ему понять, что разговор окончен.

– Когда они заканчивают? – неожиданно сменил тему ее собеседник, словно поняв наконец-то, что его расспросы ей неприятны. Чардаш набирал силу, и, чтобы не перекрикивать начавшееся крещендо, Лиза пожала плечами.

В зале танцевали – не потому, что их тоже захватил этот вихрь, просто потому, что это было их работой! – и Лиза чуть-чуть позавидовала: бросить бы сейчас зонт, сумку, плащ, а с ними и всякие-разные мысли и танцевать. Пожалуй, если бы не этот тип за спиной, она даже осмелилась бы это сделать. Может, и на душе бы прояснилось?

– Там-пам! – хлопок в ладоши, еще и еще. – И раз! И два! Да!

Видимо, все получилось: так победительно прогремел последний аккорд и так возбужденно заговорили, после нескольких секунд тишины, разные голоса. Лиза побольше приоткрыла дверь – интересно, когда она им понадобится? Вроде никаких признаков полиции, ничего необычного, репетиция: Нелли в центре, недовольный Роман в углу у станка, Цветан у инструмента, девочки и мальчики в трико, множась в зазеркалье просторного зала, – кто тяжело дышит, оттанцевав, кто сидит или разминается, ожидая своей очереди.

– Перерыв! – сказал откуда-то невидимый Лизе Гинтарас, и по наступившему оживлению стало ясно, что его, как обычно, все поняли.

– Вы хорошо говорите по-турецки, – ну вот, еще одна надоевшая дежурная фраза. Откуда ему знать, как я говорю, он и слышал-то от меня два слова! Чтобы избавиться от уже неприятного ей человека, Лиза шагнула в зал. Самое время – перерыв, а этого туда не пустят: здешний театр ревниво оберегал свое закулирье и кому попало доступ в него был закрыт.

– Может быть, вы могли бы мне помочь? – значит, он вошел за ней, и голос звучал вкрадчиво и осторожно, как начало чардаша.

– В чем и как именно? – не реагировать было невозможно, но Лиза видела, что ее и незнакомца уже заметили, следовательно, ему сейчас укажут на дверь, и никакая Лизина помощь ему не понадобится. Интересно, что ему нужно?

Нелли, показывавшая какие-то замысловатые па, остановилась и махнула рукой.

– О, привет! Вы уже здесь? – непонятно спросила она, глядя куда-то мимо Лизы. Вернее, не мимо, а словно объединив ее со следовавшим за ней типом. – Вот и хорошо, перерыв как раз.

Между тем навязчивый тип принялся здороваться с артистами и вообще вел себя так, как будто имел право здесь находиться.

– Нель, это кто? – быстро спросила Лиза по-русски.

– Как это «кто?», если ты с ним и пришла?! – возмутилась Нелли.

– Нель, говори по-человечески, я тебя умоляю! Что значит – пришла? Я его только что увидела около зала!

– Лиза, господин Кемаль из полиции, – как всегда, спокойно и неторопливо произнес незаметно подошедший Цветан. – Он был здесь вчера со своими коллегами, я вам говорил.

Лиза с удивлением обернулась и тотчас встретила взглядом с улыбнувшимися ей глазами незнакомца, который, судя по всему, понял, что речь идет о нем и даже что именно ей сообщили. Вот видите, словно подмигнули ей эти глаза, а вы не хотели со мной разговаривать. А придется, правильно?

– Мы не смогли сегодня найти переводчика, – развел руками полицейский. – Я даже хотел привести жену, она знает английский и французский, но ваши же не все на них говорят. Меня зовут Кемаль.

– Очень приятно, – машинально ответила Лиза.

– Я о вас слышал и так и понял, что это вы и есть, – а улыбка у него приятная, и хорошо, что он не в этой их дурацкой форме с оружием.

– Что вы слышали?

– Что здесь есть такая госпожа Лиза, которая всем все переводит. Так что я на вас рассчитывал. По идее, мне, конечно, обязаны найти переводчика, но вы же понимаете...

«Если сейчас он скажет «Здесь же Турция!», то я ему помогать не стану!» – почему-то загадала Лиза, которой до смерти надоело выслушивать со всех сторон это глупое оправдание всему плохому. Кто только додумался ввести в обиход эту фразу?! Чуть что-то где-то не так – сразу «Здесь же Турция!», как будто это объясняет и плохую погоду, и некачественно сделанную работу, и вечные здешние опоздания, и вообще, все что угодно.

– Как теперь модно говорить, «здесь же Турция!», – полицейский произнес это так, что Лиза засмеялась и отменила свое гадание. – Но вы не беспокойтесь, я немного знаю англий-

ский, с кем можно – на нем поговорю и надолго вас не задержу. Вы сами-то знали госпожу Пелин?

– И да, и нет. То есть мы не были знакомы, но друг друга видели, конечно. Особенно я ее, разумеется.

– А ее мужа?

– Нет, я вообще не знала, что она замужем, вернее, теперь уже знаю, но... – Лиза неловко запуталась в словах и покраснела. Не хватало еще выболтать полицейскому, все, что они вчера обсуждали с Нелли! По невольной ассоциации она краем глаза глянула на стоящего рядом пианиста. Слава богу, Нелли сама не сможет ничего сболтнуть, так что все под контролем. Нет, это надо же такое выдумать! Хотя... она посмотрела на сильную руку музыканта с длинными пальцами и необычной формы перстнем на одном из них и нервно спросила:

– А как ее убили, вы не скажете?

– Если позволите, не скажу, – любезно, но твердо ответил Кемаль. – Я не имею права сообщать вам детали. Это произошло в подъезде, когда она возвращалась после репетиции, и ее муж утверждает, что он ждал госпожу Пелин у театра, но они разминулись. Спросите, пожалуйста, у всех ваших соотечественников, не видел ли его кто-нибудь в тот день. Вчера мы опросили турецких артистов, но никто не смог этого подтвердить. На случай если они не знают его в лицо, я принес фотографию.

– Вы подозреваете мужа? – не удержалась Лиза.

– Госпожа Лиза, я не могу отвечать на ваши вопросы. Поймите меня, пожалуйста, мы пока подозреваем всех и никого конкретно. Просто надо выяснить, кто где был в тот день... из заинтересованных лиц.

– Да-да, – поспешно кивнула она, – я все понимаю, извините. Сейчас я всех спрошу. Нелли, может, нам выйти куда-нибудь? А то здесь... – она повела рукой.

«Здесь» теперь царило любопытство.

Так же явственно, как раньше музыка.

У любопытства был запах, и взволнованное лицо, и множество огромных, расширенных от предвкушаемого удовольствия глаз – и не меньше пытающихся приблизиться на доступное расстояние ушей, и тихих, шаркающих или постукивающих пуантами ног, услужливо помогающих глазам и ушам. Любопытство вибрировало, летало вокруг, как еще недавно летал чардаш, и издавало разноязыкий шелест комментариев и попыток перевода, – отсюда, безусловно, надо было уходить, чтобы хоть что-то выяснить, не плодя сплетни.

– Давайте пойдем в кабинет Нелли, – сказала она Кемалю. – Вы хотите говорить с каждым по отдельности, или можно позвать всех?

– Да зовите всех, – безразлично, как показалось Лизе, махнул рукой полицейский, – а то мы до вечера не закончим.

В небольшом кабинете, который Нелли в качестве главного педагога делила с главным балетмейстером, все долго, шумно и озабоченно устраивались. Приносили дополнительные стулья, переходили и пересаживались с места на место, обменивались сигаретами и короткими репликами, как будто специально тянули время, чтобы не перейти сразу к делу, потому что оно и пугало, и притягивало одновременно, как обещанная на ночь страшная сказка.

Кемаль кожей чувствовал их возбуждение.

Он не понимал, что они говорили, но был уверен, что это не главное.

То, что они говорят сейчас вслух, ничего не значит. Разве что кто-нибудь сообщит заведомую ложь, но в этом случае говорящий непременно позаботится, чтобы переводчица довела ее до его сведения. Они артисты, всю жизнь играют и учатся владеть собой, от них не приходится ждать случайных оговорок, которые нечто тайное сделают явным. Нет, они сообщат ему только то и ровно столько, сколько сами посчитают нужным, а вот собрать их вместе и

посмотреть... просто посмотреть, ничего не понимая и поэтому не отвлекаясь на слова, – это может быть интересным.

Вот сама переводчица, к примеру, посторонний человек в этой истории – почему она так нервничает? Лицо напряженное, волосы уже раз пять поправила, хотя они у нее в полном порядке, кольцо на руке крутит. Ладно, это, скорее всего, не имеет отношения к делу, просто ей хочется побыстрее все закончить и уйти.

Кемаль оглядел пришедших, быстро вспоминая, кто есть кто.

Высокий черноглазый Ринат из Казахстана, пианист Цветан из Болгарии – с этими вчера почти удалось поговорить. Оба более или менее могли объясниться по-турецки – при условии, что понимали вопрос. А Кемаль, задавая эти самые вопросы, с ужасом понял, что он совершенно не в состоянии сформулировать свои мысли так, чтобы они были понятны иностранцу.

Маленькая, неправдоподобно тоненькая, шумная Нелли. Эта говорит так, что ничего не разберешь, но при этом говорит много, громко, уверенно и быстро. С ее личного варианта турецкого языка нужен особый переводчик, хотя сама она, похоже, убеждена, что с языком у нее все в порядке. И со всем остальным тоже.

Ее немолодой, весь из себя важный, совсем не говорящий по-турецки муж. С ним можно было объясниться по-английски, что Кемаль вчера и сделал. Бывал здесь этот господин наездами, ни с кем из труппы близко знаком не был, знал по именам да по рассказам жены только солистов, так что пользы от него никакой. Тем не менее, он зачем-то явился, не иначе как защищать жену, которая по виду и возрасту ему в дочери годится.

Приглашенный из России знаменитый постановщик с невозможным именем и натренированным в гастрольной жизни английским. Не будь он танцовщиком, Кемаль с удовольствием принял бы его в свой отдел: такое умение ладить с людьми встречается редко и должно использоваться по назначению. Уж на что сам Кемаль умел улыбаться, но этот... едва он входил, все вокруг так и расцветали улыбками. Причем не только женщины, что уж совсем запредельно!

Его ассистент, хлипкий и насмешливый молодой человек, засыхающий от вполне понятной зависти в тени своего красавца-начальника. Гремучая смесь плохого характера, плохого английского и не всегда к месту употребляемых турецких слов.

Кутающаяся в пушистую шаль полная пожилая пианистка – мадам Нина, как мысленно обозначил ее Кемаль. Сладкая, но не слишком приятная особа – как приторная сахарная вата после обеда. В Измире давно и по-турецки говорит сносно, и вчера использовала свое умение, чтобы намекнуть Кемалю на разногласия между постановщиком и его помощником, на извращенные наклонности половины труппы, а также на абсолютную неспособность Нелли руководить коллективом, хотя ни то, ни другое, ни третье не имело ни малейшего отношения к заданным ей вопросам. Она поздоровалась с Кемалем по-турецки и выразительно поджала губы, давая понять, что лично ей никакой переводчик не требуется, а что надо, она и сама бы перевела.

Где-то на горизонте, кажется, существовал ее муж, но он работал в консерватории и, строго говоря, отношения к театру не имел. Хотя именно в тот вечер мог, например, прийти встречать жену, почему нет? Надо будет и о нем не забыть.

Что ж, можно начинать.

Кемаль еще раз незаметно посмотрел на переводчицу: в конце концов, многое будет зависеть от нее, и он надеялся, что у нее нет в этом деле никакого личного интереса. Впрочем, явно что-то исказить она не посмеет, вон мадам в шали и так недовольна, что кого-то позвали переводить со стороны.

– Ну, что, госпожа Лиза, начнем? Скажите, пожалуйста, что я прошу прощения за причиняемое беспокойство, но расследование убийства – дело серьезное, и поскольку все здесь присутствующие оказались невольно втянутыми в эту историю, нам, возможно, придется еще не раз встретиться. Сегодня я задам интересующие меня вопросы, но в ходе следствия могут

возникнуть другие, мне придется их задавать, отвлекая вас всех от работы, и я заранее прошу отнестись к этому с пониманием.

Серые глаза переводчицы смотрели на него без всякого выражения. Уловив предстоящую паузу, она тотчас же заполнила ее быстро выговариваемыми словами со множеством непривычно шипящих согласных, а Кемаль позволил себе понаблюдать.

Напряжение, воцарившееся на лицах, едва он заговорил, сменилось облегчением: видимо, его реверансы возымели действие, а эта Лиза все переводит правильно.

– Вчера я уже спрашивал некоторых из вас, не видели ли вы позавчера в районе театра мужа потерпевшей. Вот его фотография, постарайтесь вспомнить, это может оказаться важным.

Лиза говорила, а Кемаль следил за путешествием фото.

Первой, как и следовало ожидать, его выхватила Нелли, и они с мужем вместе склонились над незнакомым им лицом, отрицательно покачивая головами и пожимая плечами. Насмотревшись, Нелли, привстала и протянула фотографию через весь кабинет приезжему постановщику, хотя рядом с ней сидел Ринат, а с другой стороны от ее мужа нетерпеливо ожидала своей очереди мадам Нина. Заметив недовольство дамы, красавец с непроизносимым именем любезным жестом переместил фото поближе к ней, одновременно почти выдернув его из-под носа у сунувшегося было к нему помощника. Тот попытался сделать вид, что ничего не предпринимал и с невразумительной усмешкой стал дожидаться своей очереди. Получив желанную картинку, приглашающе наклонился к Лизе и что-то тихо шепнул ей на ухо. Переводчица слегка отстранилась, видимо давая понять молодому человеку, что она не принимает участия в просмотре, однако на фотографию все-таки посмотрела и, почему-то не поднимая глаз, передала болгарскому пианисту. К нему склонился, придерживая рукой мешающую прядь длинных волос, Ринат, отрицательно покачал головой и вернул фотографию Нелли.

Все молчали.

– Лично я этого типа в жизни не видел, – заявил утомленный паузой Роман. – Хотя турки все на одно лицо, скажите, Лиза?

– Не скажу, – мрачно отозвалась Лиза. – Он говорит, что никогда не видел этого человека, – сменив тон на нейтральный, перевела она.

– Мы его, разумеется, видели, но не в тот день, – избавив Лизу от необходимости перевода, сказала Нина. – Вообще, его, по-моему, все знали, он часто в театре бывал, не знаю, чего все фотографию разглядывали.

– Что значит «знали»?! – взвилась Нелли. – Гена, например, его никогда не видел и не знал. И Игорь не знал, да, Игорь? А ты, Ром? Я сама его вроде встречала, но на улице не узнала бы. Только если с Пелин, тогда конечно!

– Нелли говорит... – Лиза переводила, а Кемалю казалось, что она думает о чем-то своем, не имеющем ни малейшего отношения к происходящему в комнате. И, скорее всего, к его расследованию, так что лучше следить не за нею, а за остальными.

Алиби Волкана не подтверждалось.

Кто в тот день ушел раньше, кто примерно в интересующее Кемалья время, но либо действительно не видел молодого человека, либо утверждает, что не видел. Хотя, строго говоря, это было вовсе не алиби: все равно, был он у театра или не был, он вернулся домой раньше жены и вполне мог ждать ее в подъезде или столкнуться там с ней. Мог даже встретить ее и отправиться домой вместе с ней: если никто не может подтвердить, что видел его одного, то никто не видел и их вместе. Но хотелось проверить, правду ли он говорит.

– Я так думаю, что он специально не на виду стоял, – многозначительно выговорила вдруг мадам Нина по-русски, выждав всеобщую паузу, и обвела всех торжествующим взглядом.

– Прятался, что ли? – удивился Роман. – А на фиг?

– Вы, Ромочка, не в курсе, а тут у нас такие дела... да? Все же знают, можно и полиции сообщить, или вы против? – было не совсем понятно, кому она адресовала последний вопрос, однако Ринат тут же выдал себя.

– Почему против?! Говорите, что хотите! Только это все ерунда и к делу отношения не имеет! А когда ее убили, мы с Цветаном фильм смотрели, который Гена привез. Вам, Нина Петровна, лишь бы посплетничать!

– Ну уж, не знаю, что вы там смотрели, это пусть полиция выясняет, и так понятно, что вы друг друга выгораживать будете. А сплетничать, как ты выражаешься, мне незачем: вся труппа знает, какой у нее муж ревнивый и как он с тобой разбираться приходил!

– Да он не для этого приходил! Вы бы не говорили, чего не знаете! Вас же там не было, а обо мне бог знает что подумают! Лиза, ты хоть все это не переводи...

– Да я вообще не понимаю, о чем речь, как я могу что-то переводить! Объясните мне толком, вон на меня уже как смотрят! – Лиза быстро указала глазами на Кемалья, постаравшись не встречаться с ним взглядом. Вот ведь попала! По идее она, видимо, должна переводить все эти разговоры, но тогда она уподобится Нине Петровне с ее не слишком симпатичной склонностью к доносам. – Что там было такое, Ринат, говори быстро?

– Да ничего! У нас класс был, все как обычно... потом этот придурок, в смысле муж Пелин, забыл, как его... короче, он пришел и из-за двери смотрел. И чего-то ему там показалось – то ли я ее обнимал, то ли трогал... он же не балетный человек, что он понимает. Да я ей движения какие-то показывал, господи! Нужна она мне!

– Что она тебе не нужна – всем как раз ясно! – ехидно вставила Нина Петровна. – Но он-то не знал, что ты у нас... не от мира сего.

– Ниночка Петровна, зачем вы так? – укоризненно начал Гинтарас.

– Жаба настоящая! – выпалила Нелли.

– Нин, я вас умоляю! Ген, она меня достала уже! – в голосе обычно сдержанного Рината зазвучал металл. – Хватит, а?! Думаете, я не знаю, какие вы тут сплетни обо мне распускаете? Как только не стыдно в вашем возрасте!

– Это вам должно быть стыдно, по-моему, а я правду говорю. И возраст тут ни при чем...

– Господа, – Кемаль встал, и все затихли, – предлагаю говорить по очереди, иначе госпожа Лиза не сможет ничего перевести, – он говорил по-английски, и почти все его поняли без перевода. Да и что тут было не понять – призвал их к порядку, как расшумевшихся школьников. – И я так понял, что вы не по теме?

– Да, они о своем, я даже не все поняла, – быстро соврала Лиза и покраснела.

– Все она поняла. Просто Ринат, – мадам перешла на турецкий и даже указала пальцем, чтобы было понятно, кого она имеет в виду, – не хочет признаваться, что однажды поссорился с мужем Пелин.

– Хорошо. Поссорился, было дело. Только не я с ним, а он со мной, это во-первых. И было это давно, во-вторых. Муж у нее псих ненормальный, так и скажи, Лиз! Набросился на меня, чтобы я, мол, ее не лапал! Это же балет, господи, понимать надо! Где она такого подцепила-то? Как будто больше не с кем! Все равно она бы с ним долго не выдержала, это же ясно. Он, кстати, не со мной одним отношения выяснял.

– То есть муж госпожи Пелин ревновал жену и устраивал скандалы? – на всякий случай уточнил Кемаль, выслушав выданную ему версию. Судя по предшествующему переводу накалу страстей, ему сообщили только то, что уже нельзя было скрыть.

– Ревновал и устраивал, – удовлетворенно подтвердила Нина. – И он за ней следил потихому, с кем она, куда... вот его никто и не видел.

Разумно, мысленно согласился Кемаль, и похоже на правду.

Значит, все опять ведет к этому Волкану, ничего не поделаешь. Если он следил за женой, а она вышла не одна, то он мог последовать за ними, а в итоге устроить сцену, которая закончилась трагически.

Что ж, еще несколько вопросов, и можно отпускать этих шумных сердитых русских и заняться соотечественниками.

– А госпожу Пелин любили в труппе? У нее были друзья?

– Да кто кого любит в нашей труппе?! – скривилась в очередной усмешке Нина. – Я вообще удивляюсь, как это до сих пор никого не убивали!

– Нина Петровна, – Лиза впервые расслышала ее отчество и была рада, что можно обращаться к ней так. Звать пожилую даму по имени ей всегда было немного неловко. – Вы хотите, чтобы я это перевела?

– Я, милочка, что хочу – сама переведу, уж как-нибудь...

– Но кто-то же должен ответить... Нель, скажи ему что-нибудь, а то мы здесь еще час просидим.

– А что я скажу?! Я, между прочим, с ней согласна – редкий случай, прошу записать! Кто и когда ведущую балерину любит, а? Будь она хоть ангелом, а Пелин, хоть и нехорошо так говорить, та еще была штучка!

– Ой, Нель, как я это переведу, по-твоему?! «Штучка» какая-то!

– Великий и могучий русский язык, да? Так это говорится? – тихо сказал сидящий рядом Цветан, и Лиза не увидела, но услышала его улыбку.

– Скорее – как Гудвин, великий и ужасный, – быстро откликнулась она и вернулась к своим обязанностям: – Они говорят, что Пелин... не слишком любили, потому что она ведущая балерина... что-то в этом роде.

– А к кому теперь перейдут ее роли? – традиционное «Pro cui bono?» не хуже «Cherchez la femme!» – с ревностью и любовью вроде все понятно: Волкан соответствует своему имени.

Они заговорили все разом, едва Лиза перевела его вопрос, – не с ним, а между собой, и словно сами с собой, и принялись что-то кричать, и размахивать руками, и хвататься за голову, и вскакивать с места, и снова что-то выкрикивать, и что-то доказывать друг другу, и показывать какие-то движения, и даже смеяться... словно вихрь того венгерского танца взметнулся над ними, захватив их всех страстью и темпом.

Кемаль невольно переглянулся с Лизой: женщина выглядела растерянной и почти испуганной, но тотчас же ответила на его улыбку.

– Это ужас какой-то! – негромко сказала ему она, и Кемаль почему-то услышал ее, как будто шум парил где-то выше, над ее словами. – Я не знаю, что я вам смогу перевести. Это... производственные, так сказать, проблемы. Вы самое больное место затронули, у них же премьера на носу.

– «Лебединое озеро»? – понимающе кивнул Кемаль.

– Ну да. Тут и так из-за него столько копий сломано, а теперь еще и это! Вы не обращайтесь внимания, что они... кричат, это нормально. Они просто все эмоциональные такие, я уже привыкла.

– А вы сами-то к балету какое отношение имеете?

– Да почти никакого! У меня сын хотел заниматься балльными танцами, но выяснилось, что для них он еще мал, и его взяли на балетные курсы при театре. Поэтому я здесь часто бываю, вот и познакомилась со всеми.

– Ясно. А я думал, вы тоже балерина.

– Нет, я скорее несостоявшаяся актриса... у меня детский английский театр при дворце культуры.

– Как интересно! Так что это были за копы?

– Копы? – растерялась потерявшая нить разговора Лиза.

– Вы сказали, что из-за премьеры и так было сломано много копий, – напомнил ей Кемаль.

– Ах, это... да. Я вам потом расскажу, – замялась она. – А то в этом шуме... и вряд ли это имеет отношение...

– Разумеется, не имеет. Просто мне интересно – как обывателю. Не каждый день попадаешь за кулисы, правильно? И моя жена любит театр. Вы где живете?

– Далеко, в Нарлыдере, а что?

– О, как удачно, а я в Балджове! Я могу вас подвезти, и мы поговорим.

– Спасибо, но я на машине... я вам лучше свой телефон дам, если вам опять что-нибудь понадобится, – Лиза принялась безуспешно рыться в сумке в поисках бумажки и ручки. Только его ей не хватало! На сегодня у нее были свои собственные планы, сочиненные ночью, во время бессонницы, и делить их с кем бы то ни было она не хотела.

– Вот, пожалуйста, – перед ее глазами возникла рука с крупным перстнем, подающая ей крошечный блокнотик и карандаш.

– Вы так хорошо понимаете по-турецки? – удивилась Лиза. – Всегда же жаловались, что трудно?

– Кое-что понимаю... особенно жесты и слово «телефон»! – улыбнулся Цветан.

– Да не пишите ничего, – поморщился Кемаль. – Я в телефон запишу сейчас, и все дела. Говорите номер! А то бумажки какие-то... моя жена такая же!

– А я никак не привыкну, сначала записываю, а потом уже в телефон ввожу, мне так проще, – принялась оправдываться Лиза.

– А как вы думаете, когда они успокоятся? – спросил Кемаль пианиста.

– О, это никто не может знать! Они так могут долго... сто минут, – сказал на своем собственном русском языке Цветан.

– Сто минут! – засмеялась Лиза. – Вы иногда так интересно говорите! Он говорит, что это может продолжаться долго, – перевела она Кемалю.

– Это из-за ее ролей такой шум, я правильно понял?

– Ну, конечно! Некоторые говорят, что придется вообще премьеру отменять.

– А кто будет это решать?

– Я не знаю, – пожала плечами Лиза, – директор театра, наверно, или главный хореограф... если хотите, я спрошу. Нель, – встав с кресла, закричала она так, что все притихли и посмотрели на нее, – прекратите вы все это, лучше ответь: от кого зависит, к кому ее роли перейдут. Я это переведу – и все!

– О, это не ко мне! Пусть сами кого хотят назначают! Шевкета спрашивать надо, как он решит, так и будет.

– Что он сейчас может решить, когда он весь в слезах? – проявила осведомленность Нина. – Она все-таки его... любимица... была.

– Что ты волнуешься, Нель, сестрички справятся, я думаю, – успокаивающе сказал Ринат. – Целыми днями работают, стараются...

– Да что мне их старания?! Толку-то?! Эта... Ясемин – не Одиллия, а цыпленок какой-то!

– Да ладно, Нелли, не так все плохо... по местным меркам, – сказал Гинтарас. – Ну что поделать, если такой форс-мажор? Как будто у нас так не бывает! А девчонки, и правда, стараются, я их вчера похвалил, они так обрадовались.

– Еще бы им не радоваться, если от Нелли доброго слова не дожدهшься! – противно заулыбалась Нина Петровна. – Ты только и знаешь, что на них ругаться, а с ними так нельзя, они же как дети малые! Вот они все тебя и не любят.

– Кто это вам сказал, что они меня не любят?!

– Да какая разница, так, что ли не видно! Конечно, не любят. Вот когда мой супруг с ними работал...

– Ах, вот вы про что! Мое место вам покоя не дает, да? Да вашего супруга гнать надо давно из балета за профнепригодность! Меня, значит, не любят?! А его, вообще, выгнали отсюда, даже турки и те поняли, что его убирать надо к черту! И из консерватории тоже, чтоб детей не портил. Вы, что, думаете, я не знаю, что он на каждом углу рассказывает, что я плохой педагог?! Теперь радуется, небось, что у нас с «Лебединым» проблемы? Я так думаю, он... – глаза Нелли вдруг вспыхнули каким-то ведьминским огнем, она подскочила к Кемалю и, чтобы быть понятой, перешла на то подобие турецкого языка, на котором обычно говорила: – Ее муж... вот ее... и она... они так не хотели, чтобы здесь ставили «Лебединое озеро»... чтобы нет здесь «Лебединое озеро», понимаете? – она отмахнулась от пытавшейся вмешаться Лизы, – они могли что угодно... как это?... все могли они сделать, чтобы спектакль нет... не было! Убить даже... или мужа ее... наговорить ему, понимаете?! И получится, что убил-то он, а виноват кто, а?!

– Нель, ты что, Нелли? – удивленно, предостерегающе, угрожающе, недоуменно, осуждающе заговорили те, кто ее понял, а кто не понял, встревожено оглядывали остальных, ожидая объяснений.

– А что?! – торжествующим звенящим аккордом выкрикнула Нелли. – Им все можно, да?! Любые интриги, сплетни самые грязные, гадости всякие! Жабы! Вот пусть теперь отмываются, а?

6. Испанский танец

Артисты курили.

Длинноногие принцы и длинношеие лебеди, гордые принцессы и их придворные, заморские гости и злые волшебники, гусары из чардаша, испанки с веерами и без – все они живописно развалились на стульях, креслах и банкетках, и дым окутывал их, словно специально задуманный сценический эффект. Несмотря на нарочитую расслабленность поз – откинутые спины, согнутые колени, задранные на столы ноги, лица у всех были напряженными и словно чего-то ожидающими.

Вернее, как подумал Кемаль, не ожидающими ничего хорошего.

Их было много, но Кемаль уже знал, что и это не вся труппа: сегодня репетирует одна часть, завтра другая, иногда эти части пересекаются, потому что многие артисты участвуют сразу в нескольких танцах, солисты сейчас, накануне премьеры, присутствуют почти всегда.

Оставив русскоговорящую часть труппы и направившись в так называемую курилку, Кемаль вздохнул с облегчением. Все-таки когда понимаешь, кто что кому (и как!) сказал, гораздо проще. У Кемали была прекрасная от природы и тренированная память, он легко запоминал фразы, имена, цифры, но разве она могла ему помочь, когда разговор велся на чужом языке? Конечно, он наблюдал, подмечал чью-то нервозность, чье-то нежелание отвечать, чьи-то злые взгляды и интонации, но если бы он понимал эти длинные, шипяще-рычащие слова!

Кроме известного всем любителям кроссвордов короткого русского «да», он не знал ни слова на этом трудном, как уверяла Айше, языке и подозревал, что застрявшее почему-то в голове слово «жабы» употреблять не стоило. Особенно если хочешь понравиться собеседнику.

Других познаний в русском языке за время этой бурной беседы он не приобрел.

И ничего нового тоже не узнал.

Неужели кому-то может быть настолько важно, чтобы в театре не состоялась какая-то постановка, чтобы пойти из-за этого на жестокое убийство?

Неужели кому-то так хочется танцевать не какой-нибудь венгерский или испанский танец, а именно лебеда, чтобы?..

Это ведь не просто, совсем не просто, не так, как мы все иногда думаем о ком-то, кто мешает нам жить: убить мы его готовы! Каждый, кто честен сам с собой, не может не признать, что хотя бы раз позволил себе помечтать о смерти – соперника, начальника, конкурента, да что там, даже самых родных и близких. Но одно дело – мысли, пусть даже расцвеченные подробностями, а совсем другое – то, что придется делать собственными руками, в прямом, физическом смысле этого слова. Мысленно и то хочется убить на расстоянии: чтобы ничего не трогать, не испачкать рук, не видеть ничего грязного и неприятного, но чтобы решиться и перейти от мыслей к делу, нужно либо вовсе не представлять себе, на что ты идешь, либо быть не совсем человеком.

Либо придавать преувеличенное значение таким, в общем-то, неважным вещам, как, скажем, постановка «Лебединого озера» и собственная в этом озере роль.

Впрочем, за годы работы в полиции Кемаль твердо усвоил, что ничего неважного в жизни нет, что причина и повод любого преступления – вещи разные, и если поводом может оказаться глупая и неправдоподобная мелочь, то уж причины-то его всегда серьезны.

Любовь, ненависть, страх.

Зависть, ревность, жадность.

Злоба и месть.

Вера в справедливость или еще во что-нибудь.

В число этих страстей вполне может входить и вся эта закулисная возня вокруг распределения ролей и своего места в лебедином стане.

Просто страсти, одинаковые по накалу и силе, у всех питаются из разных источников.

Прежде чем войти в ожидающую его курилку, Кемаль прочитал висевший на стенде за стеклом список: действующие лица, исполнители и дублеры, расписание репетиций и классов. Его еще не поменяли, и имя Пелин Пембе значилось в нем в самой верхней строке.

Неужели за то, чтобы занять эту строчку?.. Да, да, и за это тоже, ты далек от театра и их проблем, тебе не понять, прими это как данность и занимайся своим делом.

Кемаль не имел ни малейшего представления о сюжете «Лебединого озера», однако, следуя логике списка, можно было легко догадаться, что погоду в нем делали четыре персонажа: Одетта, Одиллия, Зигфрид и Ротбарт. Остальные были второстепенными.

Четыре?

Кемаль мгновенно уловил какую-то неправильность: исполнителей было трое.

Обе женские роли предназначались звезде и приме Пелин.

Обругав себя за то, что не выяснил в Интернете все про это злосчастное «Озеро» и теперь будет выглядеть непосвященным, Кемаль вошел в окутанное дымом помещение с необъяснимо высокими потолками.

Длинноногие принцы и длинношеие лебеди, гордые принцессы и их придворные, гусары из чардаша и испанки – с веерами и без – все они, как по команде, повернулись в его сторону. Они показались ему существами из иного мира, иной вселенной: то ли из-за их необычных, невозможных для нетренированного человека поз, то ли из-за странных трико, гетров, коротеньких юбочек, то ли из-за всеобщей худобы, то ли из-за делавшего их похожими на призраки дыма.

Дым охотно играл свою мистифицирующую роль, клубился над столиками и уплывал под потолок. Напоминая о первоначальном предназначении этого здания, некогда отданного под репетиционные залы балетного театра.

Когда-то давно это высокое уродливое серое строение было табачным складом.

Тюки с табаком привозили на огромных фурах, заезжавших через широкие двери, почти ворота, прямо вовнутрь, там сгружали и хранили, а потом отправляли дальше, на фабрики, производящие сигареты. Сейчас высоченный первый этаж использовался как автостоянка, а почти весь второй (он же последний) был прибежищем и царством местного балета.

Кому пришло в голову, что это не приспособленное для подобных целей, плохо отапливаемое помещение годится для изысканного и изящного искусства, неизвестно, но этот кто-то, по-видимому, исходил из того, что по лестнице, ведущей наверх, к нынешним репетиционным залам, никто, кроме профессиональных танцоров или спортсменов, подниматься не сможет. К тому же, места тут достаточно, строение это городу не нужно, все равно пустует, а сносить или ремонтировать его никто не желает, – танцуйте себе и не говорите потом, что мэрия не заботится о культуре.

Всех, кто впервые попадал сюда, ожидая увидеть нечто соответствующее элитарному слову «балет», неприятно поражали три вещи.

Во-первых, само серо-бесцветное здание с огромными, такими же серыми, как стены, годами нематыми окнами; потом та самая, крутая до неприличия лестница с разными, словно издевающимися над пришедшими ступеньками; и, наконец, въевшийся во все стены, так и не выветрившийся за годы, отвратительный, кислый запах табака.

Наивные визитеры начинали озираться в надежде увидеть нечто более приятное глазу, затем принюхиваться и морщить лоб в попытках определить, что это за запах и каким ветром его принесло, а преодолев подъем по лестнице, тяжело дышали, забывали и про вид, и про запах, и только радовались, что наконец-то достигли цели. Здесь их встречали обшарпанные стены, те же немые серые окна, длинный узкий, всегда плохо освещенный коридор – и потрясающей стройности юноши, неземной красоты девушки, захватывающая музыка, французские

слова и ритмичный счет, развязавшиеся ленточки на пуантах, которые какая-нибудь из неземных девушек поправляла, держа ногу высоко над головой, запах кофе и сигаретный дым...

И визитер понимал, что, несмотря на все внешнее убожество бывшего табачного склада, теперь здесь жил своей не понятной чужакам жизнью загадочный и прекрасный балет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.